

С. 3 Соединить разорванные нити церковной традиции

старались в меру своих сил более ста участников ежегодной школы Церковно-общественных инициатив. Одним из главных событий двухдневной школы стала встреча с очевидцем жизни «потайной церкви» Алексеем Петровичем Арцыбушевым.

С. 6-7 Об очевидном и бесспорном триединстве Собрания, Евхаристии и Церкви единогласно свидетельствует всё раннее предание

Именно этот контекст упускает из виду подавляющее большинство участников дискуссии по документу Межсоборного присутствия о подготовке к причастию.

С. 8 Трудности перевода

15–18 сентября в Киеве прошли XIII Международные Успенские чтения «Предание и перевод». Один из наиболее важных вопросов, возникающих при размышлении над этой темой, – возможно ли столь же трепетное отношение, как к букве Писания, и к тому опыту жизни, который стоит за библейскими и литургическими текстами?

Миссионерское обозрение

Что думает председатель Синодального миссионерского отдела о внутренней миссии? О чём беседуют миссионеры со всего мира, встретившись в Албании? О чём размышляют в разных епархиях, столкнувшись с необходимостью готовить людей к крещению? На все эти вопросы отвечают материалы очередного приложения для миссионеров.

Фундаментализм превратится в секту

Интервью с митрополитом Пергамским Иоанном (Зизиуласом)

Беседа состоялась 11 августа в монастыре святого Иоанна Крестителя в Эссексе во время поездки ректора Свято-Филаретовского института священника Георгия Кочеткова с группой преподавателей, сотрудников и студентов в Великобританию

Владыка, мы очень рады встретить Вас здесь. Что привлекает Вас в этом монастыре? И что в богословии и духовном опыте старца Силуана и архимандрита Софрония (Сахарова), на Ваш взгляд, наиболее актуально и востребовано для современного христианского мира?

Я знал отца Софрония. Я нашёл в нём две черты, которые, на мой взгляд, очень важны. Он впитал глубокий опыт афонского монашества и очень хорошо знал эту духовную традицию, восходящую к исихастам, к святому Григорию Паламе. В то же время у него было глубокое знание богословия и интерес к нему. Другими словами, у него было не просто почтительное отношение к духовности, но и живая богословская мысль, что для меня оказалось очень важным. В отце Софронии я нашёл себе духовного отца. Я был ещё мирянином, когда его встретил. Во многом благодаря его духовной поддержке я решился принять приглашение Вселенского патриарха

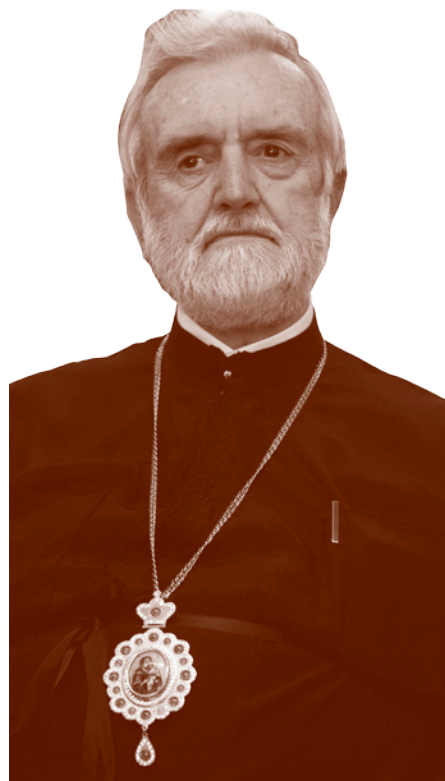
стать митрополитом Вселенского патриархата.

Думаю, что в этом монастыре можно встретить монашескую традицию, которая с почтением относится к богословию и возвращает богословскую мысль. При этом он находится в сердце Западного мира, где подобное свидетельство о Православии очень важно и необходимо.

Две главные опасности, с которыми сталкивается современный христианский мир, – это секуляризм на Западе и фундаментализм на Востоке. Как можно противостоять этим опасностям, особенно фундаментализму, с которым нам в России приходится сталкиваться чаще?

Да, вы очень верно поставили проблему. Это две проблемы и опасности для Православия сегодня. Для христианства в целом это секуляризм, но для Православной церкви это фундаментализм. С фундаментализмом очень непросто справиться. Думаю, единственный способ противостоять этой опасности – продолжать делать то, что мы должны сегодня делать как члены Православной церкви и полностью игнорировать фундаменталистское движение. Я чувствую, что это движение со временем превратится в своего рода секту и переста-

нет быть частью Православной церкви. Это произойдёт либо потому что фундаменталисты отделятся от официальной церкви, либо потому что официальная церковь будет вынуждена отделиться от фундаменталистского движения. Думаю, что нынешняя ситуация долго не продлится. И думаю, что мы здесь ничего не можем поделать, кроме одного – продолжать делать своё дело, способствовать тому, чтобы богатая православная традиция становилась более открытой для мира, а не превращалась в то, что противостоит ему. И нужно молить Бога, чтобы Он вмешался в эту ситуацию, чтобы в церкви не произошло раскола, потому что такая опасность тоже очень велика.

Окончание на с. 2 Фото Кирилла Мозгова

Если скажут: «Давайте отменим исповедь перед причащением» – я буду категорически против

Протоиерей Павел Великанов, главный редактор портала «Богослов.ру» – о дискуссии по документу Межсоборного присутствия о подготовке к причастию

Что же сейчас происходит в церкви? Откуда рождаются все эти разговоры вокруг исповеди и причастия?

За последние несколько лет в церкви начали происходить глубокие изменения. Это связано с завершением периода реставрации церковной жизни и острой потребностью в осмыслении уже не формы, но самого содержания этой жизни. Отсюда возникают вопросы. Насколько эти формы неподвижны? Насколько отретариванная сегодня внешняя сторона церковной жизни является абсолютной и совершенной? Насколько эта форма соответствует задачам, которые стоят сегодня перед церковью, в виду реалий внешней жизни? При этом вопрос Евхаристии – центральный вопрос всей христианской жизни – начинает осмысляться иначе, нежели 20 лет назад, когда люди только приходили в церковь и открывали для себя новый неизведанный мир. Они были готовы согласиться с самого начала со всем, что им предлагалось в церкви. Сегодня много людей достаточно хорошо представляют церковную реальность. При этом они не утратили способность задавать вопросы и стараются не ограничиваться внешними формами, но проникать вглубь, к самому содержанию.

Очень важно, что вопрос церковного урегулирования участия мирян в таинствах стал таким актуальным и волнующим. Это самый лучший показатель возрождения христианской веры в России. Не форм, которые считаются внешним взглядом и которые, может быть, не настолько важны – храмов, монастырей, каких-то церковных учреждений, – а именно этот интерес свидетельствует о начале духовного ренессанса в России.

С чем это связано?

Немалое значение имеет то, что за последние десять – пятнадцать лет русские православные начали открывать для себя мир другого православия. Многие стали выезжать за границу и знакомиться с русским, греческим, болгарским православием. С традициями дохалкидонских церквей. На фоне новых открытий стал возникать вопрос: откуда берутся такие существенные различия в формах и подходах к Евхаристии? к роли исповеди? в отношениях между епископом и паствой? Эти вопросы далеко не всегда имеют простые и очевидные ответы. И, конечно же, самый главный вопрос: что значит быть христианином в современном мире? Где здесь Христос? Что, собственно говоря, из церковной жизни нас делает полноценными христианами?

Окончание на с. 6

Он никогда не позволял себе говорить то, чего он не думал

К 190-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова: беседа Юлии Балаксиной с Еленой Анненковой, зав. кафедрой русской литературы РГПУ

Мы с Вами говорили как-то, что разные славянофилы вызывают симпатию у разных людей, и я сказала, что мне особенно симпатичен Иван Аксаков. А Вы ответили: да, это понятно, потому что современному человеку он более близок. Можно попросить Вас прокомментировать эту мысль?

Современное сознание отдаёт предпочтение личности, которая не просто мыслит глубоко индивидуально, но и свои размышления и сомнения выражает в каких-то текстах или высказываниях. Гораздо менее близок нашим современникам человек, который имеет привычку излагать свою позицию если не жёстко, то твёрдо, однозначно, определённо. Им кажется, что в этой жёсткости есть деспотизм, отсутствие толерантности.

Если с этой точки зрения смотреть на славянофилов, то Иван Аксаков – один из тех, кто умел неоднозначно высказываться по многим вопросам. Он постоянно находился в процессе живого осмысления проблем и подвергал сомнению позиции, другим представляющиеся незыблемыми. Наиболее же симпатично, как мне кажется, современному сознанию то, что он самого себя постоянно анализировал. В этом отношении он мог бы быть предметом внимания не только учёных, истолкователей, но, может быть, даже

писателей – как герой литературного произведения, который внутренне противоречив, себя рассматривает со стороны, оценивает, достаточно часто не доволен собою и потому, конечно, выигрывает для художника. Он поэтом и сам тяготел к тому, чтобы быть поэтом. Думаю, что его готовность что-то переменить, переосмыслить явления, на которые он смотрел с печалью, увидеть их с другой стороны, как более отрадные – всё это может быть интересно современному человеку.

Окончание на с. 4

Встречи и конференции

Фундаментализм превратится в секту

Чтобы противостоять фундаментализму, Церковь должна являть свою евхаристическую сущность. Как сделать опыт общения, который мы получаем в Евхаристии, реальностью всей христианской жизни?

Да, я верю, что евхаристический опыт может дать ответы на все простые вопросы, которые ставит не только человеческое бытие, но и культура, в которой мы живём. Если Православная церковь сохранит и распространит этот евхаристический опыт, думаю, что это повлияет на всю окружающую нас культурную среду. Современные люди на Западе очень нуждаются в этом культурном влиянии.

Преподобный Силуан говорил о том, что любовь ко Христу предполагает уход от мира. Однако мы знаем, что христиане призваны к преображению мира и ответственности за него. Как соединить эти два аспекта церковной жизни?

Я полагаю, что не каждый может уйти в монастырь, кто-то призван жить в миру. Но, как верил отец Софроний, сердцевина монашеского опыта может быть пережита и в миру. Поэтому нет противоречия между монашеской жизнью и жизнью христиан в миру. Духовная брань монаха и человека, живущего в миру, разная, но есть нечто – назовём это этическими ценностями – общее для всех христиан. Например, мы боремся с себялюбием. Именно с ним борются монахи. И в миру тоже необходимо противостоять своему себялюбию, причём это нужно не только

чтобы быть христианами, но и чтобы вообще существовать. Это, конечно, идёт вразрез с ценностями мира сего, особенно с секулярными ценностями. Но православные христиане призваны жить в миру другими ценностями, чем весь остальной мир. Например, главная проблема в западной культуре – индивидуализм. Монашество в своём подлинном духе (поскольку есть монашеские традиции, лишённые этой духовной подлинности) противостоит индивидуализму и возвращает общение с другими людьми.

Евхаристический опыт – это главное, что поможет православным христианам, живущим в миру, поскольку именно он несёт в себе опыт общения и противостоит индивидуализму. Хотя иногда и в благоговейное отношение к Евхаристии проникает некоторый индивидуализм, люди начинают молиться сами по себе, без других. Но подлинный евхаристический опыт не индивидуалистичен. И именно об этом опыте православные должны засвидетельствовать Западному миру. Потому что его ценности индивидуалистичны. И мы должны показать им другие ценности.

Это очень важные для нас слова, поскольку один из принципов, положенных в основу жизни нашего института, как и жизни поддерживающего его Преображенского братства, – это преодоление индивидуализма и созидание пространства общения. Это очень непросто в современной России, поскольку люди боятся друг друга, не доверяют друг другу и объединить их очень непросто даже в

церкви. Поскольку дух коммунизма всё ещё живёт в народе.

Я верю, что это важнее, чем просто делать акцент на каких-то моральных ценностях и критиковать общество за современные ценности – последнее бесполезно. Потому что в ответ на такую критику возникает реакция, и уже невозможно о чём-то засвидетельствовать. Но если предлагаешь альтернативу, путь жизни и существования в духе, противостоящем индивидуализму, то имплицитно влияешь на общество и его ценности.

Мы очень рады, что наши взгляды так едины в главном. Кого из русских богословов Вы почитаете больше всего?

Конечно, я лучше знаком с богословием русской эмиграции. Но я также очень почитаю небесного покровителя вашего института святителя Филарета Московского. Он был выдающийся богослов, его проповеди очень глубокие. Надеюсь, и сегодня будут появляться такие, как он.

А из эмиграции?

Я учился у отца Георгия Флоровского пять или шесть лет в Гарварде, он оказал на меня наибольшее влияние. Я полностью разделяю его взгляды и считаю его величайшим богословом XX столетия. Флоровского я знаю лучше, остальных по книгам: Лосского, Булгакова и других. С Булгаковым я не во всем согласен, но он человек выдающегося ума.

Вы знали отца Александра Шмемана?

плении профессор Себастьян Брок (Оксфорд). С докладом «Духовная полнота в миру согласно древней святоотеческой и монашеской традиции» выступил Симеон Пасхалидис (Фессалоникийский университет). Западную монашескую традицию представлял игумен Михаил Ван Парейс (Шевтонь, Бельгия) с докладом «Лестница смирения и братское общение по учению святого Бенедикта».

Продолжая затронутые темы полноты духовной жизни и её общинно-братского измерения, священник Георгий Кочетков отметил, что для воплощения церковного предания в современной жизни недостаточно утверждать лишь две парадигмы – монашескую и семейную. «В постконстантиновский период истории церкви церковная жизнь и духовное возращание всё более связаны с общинно-братским иноческим путём, который снимает противоположение брачного и небрачного путей, по-другому решая вопрос о бытовой и духовной жизни. Этот путь укоренён в христианской традиции с древности, он начал своё возрождение примерно с конца XVIII века и для Русской церкви стал наиболее заметным в XX веке. Этапы духовной жизни в этой парадигме строятся особым образом, отличным от монашеского и семейного пути», – сказал отец Георгий.

Одним из духовно значимых событий стала молитва о наступлении

Свято-Филаретовским институтом). В течение четырёх дней прозвучало 16 докладов, авторы которых обращались к Священному писанию и святоотеческому наследию Западной и Восточной церкви. Специального доклада о самом Павле Евдокимове не было, однако об одном из его учеников, отце Сергии Булгакове, рассказал на круглом столе Антуан Аржавский (Колледж св. Бернарда, Париж). Доклад доцента МДАиС священника Михаила Желтова был посвящён таинству Крещения, через которое для верующего человека открывается возможность христианской, церковной жизни. В дискуссии после доклада священник Георгий Кочетков отметил, что современная практика крещения очень далеко ушла от древней литургической традиции. В этой связи встаёт вопрос о применении к современной жизни всех духовных этапов, связанных с крещением, а значит, не только о переводе и осмыслении традиции, но и о литургическом творчестве.

Профессор Фессалоникийского университета Петрос Василиадис в своём докладе прокомментировал выражение св. апостола Павла «в меру полноты возраста Христова» (Еф 4:13). Этапы духовной жизни в богословии св. Исаака Сирина и сирийской традиции, которая вслед за апостолом Павлом различает «плотского», «душевного» и «духовного» человека, анализировал в своём высту-

Я очень хорошо его знал. Мы были едины в богословских взглядах. Иногда то, что я писал, я потом находил у отца Александра, а иногда сначала у отца Александра что-то вычитывал, что потом влияло на меня. У нас был общий подход. Много ли его читают в России?

По сравнению с другими богословами он достаточно популярен. В учебной программе по богословию в нашем институте работы Шмемана – среди ключевых. Но некоторые люди реагируют на него негативно.

Фундаменталисты его не любят, это правда. Но его богословие очень глубокое. Его много читают в Греции. Флоровского меньше.

Ваша книга «Бытие как общение», которую наш институт издал на русском языке, пользовалась огромной популярностью на российских православных книжных выставках-ярмарках.

Приятно слышать. Я очень рад нашей встрече. Я глубоко впечатлен тем, что происходит в сфере богословского образования в России. Я верю, что богословие очень важно, и нам следует уделять ему больше внимания. Россия в прошлом дала миру очень значительных богословов, и я надеюсь, что и среди ваших студентов будут появляться таковые.

Беседовали Юлия Балакшина, София Андросенко

Знаки времени

В итальянском монастыре Бозе 7 сентября завершилась XXI ежегодная международная екуменическая конференция. В этом году выбор её темы был вдохновлён книгой известного русского богослова Павла Евдокимова «Этапы духовной жизни».

В конференции приняли участие представители большинства православных церквей и многих духовных школ. Официальную делегацию Московского Патриархата возглавлял ректор Коломенской семинарии епископ Зарайский Константин (Островский). Свято-Филаретовский православно-христианский институт представляли ректор священник Георгий Кочетков и проректор Дмитрий Гасак.

Свои приветствия участникам конференции направили главы крупнейших христианских конфессий. От имени патриарха Московского и всея Руси Кирилла участников приветствовал митрополит Волоколамский Иларион.

Эта конференция – приглашение к размышлению «о тех знаках, которые ход времени запечатлевает на нашем теле, уме, сердце, и на нашей духовной жизни», – сказал, открывая конференцию, приор Бозе о. Энцо Бьянки. Поднять такую тему строителей вдохновила книга Павла Евдокимова «Этапы духовной жизни» (эта книга была впервые переведена на русский язык и издана

мира в Сирии, к которой в дни работы конференции епископ Рима папа Франциск призвал верующих всех конфессий. Предстоятели православных церквей и все участники конференции искренне откликнулись на это обращение.

Во время своей поездки в Италию отец Георгий и его спутники также посетили друзей Преображенского братства и Свято-Филаретовского института из итальянского движения христиан-рабочих АКЛИ в Ломбардии. Здесь они тоже приняли участие в молитве о мире. «В субботу в семь часов вечера в храм пришли люди и молились, – рассказал Дмитрий Гасак. – Нам было радостно разделить с ними эту молитву. Их неравнодушная реакция на обращение папы говорит о какой-то непосредственной связи, существующей между самыми разными людьми».

Информационная служба СФИ

Редакция приносит извинения читателям за то, что по технической причине в предыдущем номере «Кифы» на с. 1 не пропечатались два заключительных слова: «ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ» в ответе протоиерея Димитрия Карпенко на вопрос интервью.

gazetakifa.ru

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Светлана Калинина, Ирина Кольцова, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва: +7-964-534-64-55 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), +7-965-128-15-07 (Марина Чиркова) **Санкт-Петербург:** +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский) **Архангельск:** +7-921-073-3276

(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137

(София Кудряцева)

Воронеж: +7-950-763-5035

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391

(Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305

(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сущевский вал, д. 49.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 10 октября 2013 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 14 октября 2013 г.

Церковь и общество

Соединить разорванные нити церковной традиции

28–29 сентября в Преображенском братстве прошла вторая ежегодная школа направления «Церковно-общественные инициативы». Около ста пятидесяти человек из разных городов от Архангельска и Кишинева до Екатеринбурга и Воронежа собрались в Культурно-просветительском центре «Преображение» вместе поразмышлять о единстве церкви и единстве в церкви, рабстве и свободе постсоветского человека и многом другом.

Большой радостью для участников стала встреча с Алексеем Петровичем Арцыбушевым. В двадцатилетнем возрасте он попал в советские лагеря, через шесть лет его выпустили, но приговорили к вечной ссылке за Полярным кругом. Несмотря на преклонный возраст – в октябре ему исполняется девяносто четыре года – Алексей Петрович приехал на встречу, на которой делился драгоценными свидетельствами о «потаенной церкви», а также представил второе издание своей книги «Святые среди нас. Путь тайного монашества». Наследник древних аристократических родов, по одной ветви восходящих к Рюриковичам, а по другой – к черногорскому царскому роду, Алексей Петрович впитал в себя духовные традиции своей семьи. Еще в XIX веке над Арцыбушевыми шутили в столичном Петербурге: «Кто на бал, кто в театр – а Арцыбушевы снова в церковь». Мать Алексея Петровича в 26 лет, после смерти мужа, стала тайной монахиней. Среди духовных наставников самого Алексея Петровича были сщмч. Серафим (Звездинский), архим. Серафим (Климов), архим. Серафим (Суторихин). Особенно драгоценным для участников встречи стало то, что в Георгиевском храме в Самарканде, где служил архим. Серафим (Суторихин), А.П. Арцыбушев встречался с молодым тогда священником Павлом Адельгеймом, впоследствии членом нашего братства и ныне священномучеником.

Алексей Петрович рассказал о «потаенной церкви» (которую не следует путать с «катакомбной»), после декларации митрополита Сергия отделившейся (но не отколовшейся) от церкви «сергианской». «Ее служители понимали, что постоянно находятся под дулом пистолета». Они ходили из деревни в деревню, «из хатки в хатку», где их принимали верные духовные чада. Туда же приезжали из города духовные чада священников «потаенной церкви», каждый раз только несколько человек по строгой договоренности. Если в доме была опасность – вывешивали специальный знак, белую простыню или наволочку, и священник, издали увидев предупреждение, разворачивался и уходил куда-нибудь за двадцать километров в другой город. Никаких следов «потаенная церковь» за собой не оставляла, поэтому сейчас о ней можно узнать лишь из воспоминаний ее членов.

Духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков с большой теплотой приветствовал Алексея Петровича. Он сказал, что потаенное монашество, к которому принадлежала мать и тетя Алексея Петровича, имеет огромное значение: «В каком-то смысле потаенная церковь включила в себя все лучшие тенденции того времени. Это было и монашество-старчество, и монашество в миру, тем более во времена, когда монастырей в стране не оставалось. Какое еще могло быть монашество? Но было и иночество, когда люди формально не носили монашеских одежд, внешне никак не выделялись, мужчины могли

не носить бороды, но были настоящими иноками, теми, кто живет «не от мира сего» полнотой веры Христовой. Мы часто сравниваем общинно-братскую жизнь как раз с этим иночеством в миру, потому что можем жить так, как это было в доконстантиновский период нашей истории, когда ни внешним видом, ни образом внешней жизни, ни языком, ничем внешним никто не отличался от людей мира сего... Вот потаенное монашество, вообще традиция такой потаенной церкви прямо приводит к иночеству в миру и соединяет ее опыт, описанный в книге Алексея Петровича, с нашим сегодняшним днем и даже с современной общинной братской жизнью». Отец Георгий подчеркнул: «Очень важно, чтобы мы почувствовали, что значит наше время, что значит дух нашего времени. Поэтому вся та эпоха требует нашего включения, нашей ответственности и понимания. Мы должны как бы соединить разорванные нити церковной традиции. Нельзя прожить так, чтобы духовные разрывы остались. Мы должны знать, что и сейчас святые есть среди нас». Священник Георгий Кочетков напомнил о выступлении Елизаветы Михайловны Шаховской-Шик на встрече с Преображенским братством. Рассказывая о жизни своего отца, расстрелянного священника о. Михаила Шика, она сравнила жизнь церкви в советское время с двумя руслами реки: «Есть поверхностное русло, видимое всем, а под ним есть еще одно русло реки, и они часто не совпадают. Это и есть образ потаенной церкви, когда настоящая река с чистой водой течет под этим поверхностным, порой пересыхающим и не очень чистым руслом».

Помимо этой краткой, но такой важной встречи, в Школе за два дня произошло очень много событий. Размышляли о современном положении церкви и общества, об основных чертах нашего времени и, следовательно, о тех задачах, которые следует решать в первую очередь. Ведь члены церкви одновременно являются и членами общества, а значит, несут ответственность и за то, и за другое.

Например, в первый день речь шла о понятии маргинальности в церкви. Говорили о том, что по существу маргиналы в христианском сообществе – это те, кто далек от призвания Христова, кто ставит перед собой не цель следования за Христом всей своей жизнью, а любые другие цели, не имеющие к ней прямого отношения.

Многие встречи носили интерактивный характер: слушателям предложили письменно ответить на вопросы, которые затем вместе обсудили. Например, надо было дать определение понятию «народ», описать отрицательные, а если найдутся, то и положительные характеристики понятий «бюрократ» и «олигарх». На одной из встреч участники разбились на группы по поколениям (20+, 30+ и так далее) и попытались нарисовать портрет своего поколения: определить его основные черты, задачи, ответственность.

Просмотр фрагментов из печально известного фильма «Византия. Уроки истории», снятого заместителем Сретенского монастыря архим. Тихоном (Шевкуновым), не только вызвал смех нарочитостью используемых идеологических приемов, но и помог обсудить очень важные для сегодняшнего дня вопросы о том, как распознавать ложные мифологемы в нашей жизни и, конечно, о том, как от них освободиться. Ведь они всегда упрощают сложную реальность и пытаются закрыть

Алексей Петрович Арцыбушев рассказывает о своей книге

вопрос, снять проблему, чтобы человек уже не задумывался о той реальности, которую заменяет собою придуманный миф. Многие говорили о том, что застывшая схема мифа часто бывает удобнее живой реальности, и согласие человека жить в ложной мифологизированной действительности – прежде всего следствие его духовного выбора.

Все эти встречи помогли участникам не просто знакомиться с той или иной информацией, а проживать ее, как бы рождать внутри себя понимание того, где мы живем, каковы черты нашего времени и что с этим делать. Многих удивил тот факт, что представители всех поколений, от двадцати до восьмидесяти лет, увидели в своих сверстниках такие черты, связанные с советским наследием, как конформизм, комплексы, различные страхи, цинизм. В то же время молодое поколение – «20+» – среди положительных черт своих сверстников нашло поиск истины, желание обустроить пространство вокруг себя (свой двор, свой город) и объединяться в волонтерские движения различной направленности, стремление к общению с соотечественниками и со всем миром.

Прямо во время Школы происходил обмен опытом между поколениями, о важности которого говорилось на некоторых встречах. Кто-то вспоминал, как в советские годы открыл в метро «самиздатовскую» книжку, от которой был не в силах оторваться. И тут же подошел человек в возрасте, посоветовал ее немедленно закрыть и больше никогда так не делать – ведь за такую книгу, отличавшуюся от обычных форматом, шрифтом и обложкой, можно было запросто угодить в тюрьму. Другой участник рассказал, как в 1988 году вел дискотеку, имея за плечами десятилетний опыт подобной работы. За проведенную викторину с вопросом «какой сегодня негосударственный праздник?» он на следующее же утро был изгнан с работы, потому что этим праздником оказался день 1000-летия крещения Руси.

В течение двух дней участники Школы вместе молелись, трапезничали, трудились с утра и до позднего вечера на различных встречах, а в конце делились впечатлениями от прожитого времени. Основным итогом стало то, что практически каждому участнику Школа помогла многое открыть в самом себе, а также более ясно увидеть, что происходит вокруг как в церкви, так и в обществе. Это настоящий духовный опыт, позволяющий жить более трезвенно, ответственно и деятельно, помогая делу Христову и церкви в нашей стране.

Анастасия Наконечная. Фото Александра Волкова
Информационная служба Преображенского братства

Новости православных братств

Поворот от эстетики к религии

Более шестидесяти человек собрались 21 сентября в Рязанской областной универсальной научной библиотеке им. М. Горького на четвертый семинар из цикла «Русская литература XIX века в контексте христианской традиции».

Его темой стало творчество Н.В. Гоголя. В семинаре, который провела преподаватель кафедры литературы Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина кандидат филологических наук Анжелика Шапурина, приняли участие члены Преображенского братства, студенты Свято-Филаретовского православно-христианского института (г. Москва), Рязанской православной духовной семинарии и Рязанского педагогического колледжа.

В ходе обсуждения участники семинара пришли к выводу, что необычность поведения Гоголя, поразившая его современников, объяснялась целенаправленной позицией писателя: он жил сообразно тому, во что верил. О Гоголе-человеке с полным правом можно говорить как об иноке. О вкладе Гоголя-писателя в культуру верно сказал один из исследователей его творчества К.В. Мочульский: «В нравственной области Гоголь был гениально одарён; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинув её с пути Пушкина на путь Достоевского».

Информационная служба Преображенского братства

«Звуки души»: сто лет спустя

22 сентября в Санкт-Петербурге накануне дня рождения Николая Николаевича Неплюева (1851 – 1908), в рамках выставки о нём и его Крестовоздвиженском трудовом братстве, в музее А.А. Ахматовой в Фонтанном доме прошёл музыкально-поэтический вечер «Звуки души».

Имя Неплюева было широко известно на рубеже XIX–XX веков, однако впоследствии советская власть сделала всё для того, чтобы оно было забыто, – ведь пример аристократа, богатейшего человека, бросившего карьеру и вышедший свет ради устройства жизни по Евангелию вместе с крестьянами, никак не вписывался в новую идеологию. Сегодня Преображенское братство вместе с музеем Неплюева в Воздвиженске (Черниговская область, Украина) старается возродить память о нашем великом соотечественнике. Передвижная выставка, посвящённая Крестовоздвиженскому трудовому братству и его основателю, в эти дни продолжается в Петербурге.

Название вечеру дал одноимённый сборник молитв, составленных Неплюевым для постоянного использования в Крестовоздвиженском братстве. С этим сборником, как и с другими трудами Неплюева, гости смогли познакомиться во время вечера.

Открывая вечер, Анастасия Наконечная, магистр богословия, сказала: «Мы находимся с вами в гостях не только у музея А.А. Ахматовой, принимающего эту выставку, и не только у Свято-Петровского братства, подготовившего сегодняшний вечер, но и у самого Николая Николаевича. Ведь именно так проходили подобные

вечера и в Крестовоздвиженском братстве, в котором дети из беднейших крестьянских семей получали прекрасное образование, в том числе приобщаясь к высокой музыке и поэзии».

Гости услышали музыку Вагнера, Мендельсона, Глинки, Вебера, Вивальди, а также и самого Николая Неплюева. Всё это исполняли члены Свято-Петровского братства и их друзья. Григорий Волненко, автор прозвучавшей литературно-музыкальной композиции, познакомил гостей с наиболее интересными фрагментами из книг Николая Николаевича. Так присутствующие не только приобщились к атмосфере вечеров, проходивших в Крестовоздвиженском братстве, но и узнали из первоисточника историю создания самого братства.

Завершился вечер словами Н.Н. Неплюева: «Завещав нам почитать друг друга братьями и любить друг друга как братьев, Спаситель мира заповедал нам братолюбие на степени живой правды. Как же должно проявляться в жизни братолюбие тех, кто нелицемерно желает быть достойными чадами Бога Любви?.. Если братолюбие стало живою правдою у нас, мы непременно почувствуем потребность реального братства умов, сердец и жизни. Для нас даже не будет вопроса, нужно ли это, предписано ли нам это. Мы будем алчущими и жаждущими этой правды. Это станет насущной потребностью нашей и удовлетворение этой потребности станет высшей радостью нашего земного бытия».

Информационная служба Преображенского братства

Он никогда не позволял себе говорить то, чего он не думал

Интервью с Еленой Анненковой, зав. кафедрой русской литературы РГПУ, к 190-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова

Он ведь не сразу, как я понимаю, разделил взгляды славянофилов, своего брата, своего круга.

То, что я сказала о нём, как раз и относится к 1840-м, отчасти к 1850-м годам – до того момента, когда он начал заниматься издательской и журналистской деятельностью. Это было время накопления знаний и, главное, впечатлений. После окончания училища он едет по России, но не как путешественник, который может позволить себе что-то смотреть, а что-то – нет, а как человек, который находится на специфической и достаточно тягостной для него службе. Он составляет какие-то отчёты, ревизует разные сферы жизни – например, в Ярославской губернии рассматривает состояние дел с раскольниками. И очень интересно, как он это воспринимает, потому что, с одной стороны, он не принимает старую веру и кого-то из раскольников может упрекать в догматизме, с другой же – готов подумать и понять, чем обусловлена их жёсткая позиция. Он готов посмотреть и на официальную церковь – какова она, и увидеть, что и с одной, и с другой стороны нет готовности и возможности как-то понять друг друга. Он очень много видит и действительно погружён в служебные дела. И таким образом перед ним открывается реальная российская жизнь.

Взгляды брата ему кажутся идеализацией на этом фоне...

Внутрисемейные отношения в аксаковской семье были далеки от каких-то распрей, но моменты противоречия и непонимания, которые назревали и как-то выходили на поверхность, были в основном связаны с Иваном. В своих письмах он даже не столько протестует против какой-то изначальной позиции, которую надо корректировать (а её не корректируют), сколько корректирует самого себя в каких-то уже сложившихся представлениях. И когда он встречает неспособность поразмышлять и изменить первоначальную позицию, от кого бы она ни исходила, от Константина или отца, Сергея Тимофеевича Аксакова, он или сожалеет об этом, или чувствует себя уязвлённым.

Я недавно перечитывала эти письма: там всё время идёт спор и, конечно, Ивану досадно, что Константин не в состоянии проехать по России. Он его всё время чуть ли не заставляет поехать посмотреть, увидеть больше сложностей и т. д. Поэтому на фоне Константина, отвлечённого мыслителя, Иван – мыслитель, готовый реагировать на практическую жизнь.

Вместе с тем у меня есть ощущение, что в его глазах Константин остаётся «прекрасным теоретическим человеком»¹. Поэтому Иван всё время и побуждает Константина взглянуть иначе, шире, глубже, неоднозначней – при этом понимая ценность этой неоднозначности, твёрдости позиции. Он не допускает, конечно, что Константин боится поехать и в чём-то разувериться. Но, может быть, Иван думает о собственном опыте: вот он ездит, многое видит, всё время сомневается, так ли правы славянофилы, и поэтому ведёт некий диалог с Константином, а в каком-то смысле, может быть, и с самим собой. Он не перестаёт иронизировать над бородой или над девицами, которые только хорошей косой могут заинтересовать Константина и так далее – везде это мелькает. Но вместе с тем возникает ощущение, что в какой-то мере ему самому хотелось бы быть таким, как брат. И наконец, пройдя путь этих сомнений, он избирает для себя позицию славянофила. Когда все старшие славянофилы ушли из жизни, Иван вынужден был поднять их знамя; возможно, их уход освобождал его от рефлексии, от этих сомнений.

В жизни Ивана Аксакова есть эпизод, когда его упрекнули за то, что он, служа на государственном поприще, пишет литературное произведение. И он подаёт в отставку, т. е. разрывает отношения с властью, и в какой-то момент становится законодателем дум. Я читала о нём отзывы как о человеке, который был в какой-то момент нравственной основой, нравственным авторитетом для всего русского общества. Какие качества помогли ему это место в обществе занять? Как он понимал это своё место по отношению к власти и по отношению к обществу?

Может быть, у него действительно была, насколько это возможно, завидная диалектическая ситуация равновесия в отношении к обществу и власти. Я думаю, что она, с одной стороны, приходила к нему, как к любому человеку, с годами, но вместе с тем он её как-то и вырабатывал. Он знал, что всегда абсолютно честен в исполнении своего долга, очень дорожил этой служебной репутацией и даже в письмах к родным не раз писал о том, что ему поручают те виды работ, которые не делают другие. Он понимает, что как бы обязан или призван поддерживать сложившуюся в обществе «аксаковскую репутацию», созданную его семьёй, его родительским домом. Я думаю, что он многими был высоко оценён, хотя больше всего его, конечно, принимали единомышленники. Потому что он – человек своих убеждений. Люди, исповедующие другие воззрения, могли ему отдавать должное, но любить его вряд ли могли.

Он, действительно, во всех своих позициях был честен всегда. Для меня показательна в этом отношении ситуация с польским вопросом. Я пыталась соотнести Герцена и Ивана Аксакова. Герцен, откликаясь на ситуацию начала 1860-х годов, связанную с жёстко подавленным польским восстанием, в своих публикациях однозначно занимает позицию Польши против российского самодержавия. Когда я начала читать письма Герцена и его исторические работы, я поняла, что его собственное отношение к Польше было гораздо более трезвым и противоречивым: он прекрасно видел, что позиция шляхты была совсем не такой, какой она виделась нашим демократам. Таким образом, у Герцена было нечто близкое к раздвоению: он же не позволял своему пониманию ситуации появиться на страницах печатного органа, он давал то освещение ситуации, которое «было востребовано историческим моментом». А Аксаков (пусть он и мог порой позволить себе какие-то журналистские ходы, такие как письма от вымышленных корреспондентов) в том, что касается принципиальных вопросов, никогда не позволял себе говорить печатно или устно то, чего он не думал. Он понимал, что вся сложная история отношений России и Польши провоцирует бунт, и писал об этом, но в польских восстаниях – чем дальше, тем больше – видел нечистоту этого бунта. В моём понимании он здесь оказывается в одном ряду с Пушкиным, который в начале 30-х годов написал «буйная Варшава»² – не на Польшу нападая, а видя эту историческую ситуацию, безупречность позиции европейских стран, которые не столько защищали Польшу, сколько хотели упрекнуть Россию в недостатке демократизма. По мне, верность Аксакова себе, своим привычкам, представлениям и идейным взглядам очень важна. Поскольку в обществе эта практика соответствия убеждениям и жизни всё больше и больше расшатывалась, то, может быть, это в нём и ценили.

Ещё один вопрос, касающийся Аксакова, – вопрос веры. Всем им (судя по разным письмам) веру приходилось «отвоёвывать». Иван Аксаков говорил, что готов её признать в своём сознании, но как опыта реального её у него нет, то есть этот опыт появился у него не сразу. Мне очень близки его высказывания о вере, потому что он не встал на путь стилизации (как это сделал, может быть, Киреевский), а попытался соединить тот опыт, который он обрёл на путях новоевропейского человечества, и традицию – опыт веры, идущий от Евангелия, от святых отцов... Насколько это продуктивный путь, насколько это ему удалось?

Здесь трудно делать какие-то выводы, для них нужен был бы какой-то материал, который (как мне кажется) Аксаков в полной мере не оставил. Я имею в виду следующее: на первых этапах – в тех же самых письмах, когда он многое открывает в себе, действительно можно заметить то, о чём Вы говорите: вера присутствует в сознании, и она искренняя и глубокая, а вот церковная жизнь не очень активна. Но это ведь, как ни странно, может быть, это сейчас звучит, относится ко всей семье. Когда старший Аксаков умирал, он исповедался и причастился, но до этого он вообще несколько лет не причащался, и Иван Аксаков это упоминает. Это не самое начало XIX века с его идеями «универсального христианства», но, во всяком случае, Аксаковы не совсем одиноки в своей практике, когда человек не пренебрегает формами церковной жизни, но как-то не очень им следует, не очень глубоко включён в них. В своих письмах Аксаков не раз высказывает недовольство духовенством. Ему кажется, что оно не соответствует своему истинному предназначению. Но он не столько «клеямит» священников, сколько ему досадно. Он действительно не относился к тем, кто жил воцерковлённой в полной мере, соответствующей норме жизнью, – это верно. Но есть у него ряд суждений, которые свидетельствуют о том, что на самом деле его влечёт к себе подлинная религиозность (о стремлении найти её в своей «мирской» жизни говорят хотя бы слова «не для монастыря и пустынь пришло христианство»). И поэтому когда он взялся писать поэму о Марии Египетской, то он написал начало – о её грешной жизни – а потом всё время сетовал, что другую её жизнь он не может написать. Мне это было очень интересно, потому что он здесь зафиксировал бессилие поэта перед воссозданием подобных ситуаций.

Особенно интересны его письма 1865 года к невесте, Анне Фёдоровне Тютчевой. Они нам открывают такую глубину и чистоту его чувства, а кроме того – умение найти слова для их выражения, что понимаешь признание, как-то высказанное Аксаковым, – признание в том, что ему всегда хотелось найти женщину, которая была бы хороша нравственно. Оказывается, именно это единомыслие с Анной пробудило в нём очень сильное, страстное чувство (хотя слово «страсть», как и само состояние страсти, Иван Аксаков не любил, поэтому точнее можно сказать, что нравственный строй личности А. Тютчевой пробудил в нём полноту чувства). В это время, когда он вступает в совсем уже взрослую жизнь, он, как мне кажется, находит в себе возможность больше уважать и церковную жизнь, и жизнь духовенства; он перестаёт рефлектировать на эту тему. А позже он был связан с Троице-Сергиевой лаврой, где его и похоронили. У него был этот круг общения. Я не могу сейчас это подтвердить цитатами, но думаю, что он в этом отношении прошёл свой путь...

Анна Федоровна Аксакова (Тютчева)

...Идя в сторону большего воцерковления.

Да. У меня именно такое впечатление, но если его подтверждать, то надо действительно прицельно искать ещё какие-то материалы.

Его живая мысль всегда побуждала его на все ситуации (в том числе и религиозно-духовные) смотреть, не будучи закатным в какие-то уже сложившиеся традиционные представления или в какое-то дорогое для него своё мнение.

Он – человек очень живой совести.

Да, это верно.

Как Вы считаете, что из его наследия должно быть воспринято сегодня?

Мне всегда чрезвычайно жалко ощущать и осознавать, что поэзия Аксакова неинтересна современному молодому человеку, особенно филологу. Мне очень жаль, что не читают его лирику – может быть, потому, что его стихотворения не относятся к поэтическим шедеврам, хотя они вполне хороши.

Мне кажется, что его публикации в бесконечных периодических изданиях интересны либо специалистам, либо сторонникам сходной с Аксаковым позиции. Хотя мне кажется, что часто эти люди очень далеки от Аксакова, потому что они начинают его идеи абсолютизировать с фанатизмом, и аксаковской рефлексии в них нет. И они не видят, как он к этому пришёл – даже к такой жёсткости.

Но я убеждена, что если кто-то хочет понять личность Ивана Аксакова, его внутренний мир, его духовные порывы и разочарования, падения (как ему казалось), это можно сделать только благодаря лирике, потому что в ней он себя высказал. Вот сидит он в своей провинции: то в Ростове, то в Ярославле, то в Астрахани. Всё скучно. На службе бумаги, бумаги – великое множество бумаг и молодые чиновники, которые хотят увильнуть от исполнения своих обязанностей. Визиты, которые он наносит или ему наносят, потому что он «столичный чиновник» (на Пасху все именно поэтому к нему целоваться ходят, и он в ужасе от этого).

И в письмах к родным, и в лирике он всё это выражал. Его смятенная душа, его способность переходить из одной крайности в другую, сказать сегодня одно, а завтра вдруг понять: «...ой, что ж я такое нёс, это неправда, конечно же!» И эта его натура – живая, трудящаяся, честная, нашла такое прекрасное выражение в лирике, что мне хотелось бы, чтобы эту лирику читали.

Беседовала Юлия Балакшина

¹ Слова Н.В. Гоголя о художнике Иванове.

² Слова из стихотворения Пушкина «Клеветникам России».

Евгений Николаевич Трубецкой, крупный религиозный мыслитель, преемник выдающегося русского философа Владимира Сергеевича Соловьева, родился 23 сентября 1863 года в Москве. Его отец, князь Николай Петрович Трубецкой, принадлежал к древнему княжескому роду Гедиминовичей. Мать, княгиня Софья Алексеевна, урожденная Лопухина, также была воплощением светлого образа старинной аристократии. Для кн. Н.П. Трубецкого это был второй брак, в котором у него с Софьей Алексеевной родилось девять детей. Как пишет историк русской культуры Н.С. Арсеньев, «эта семья была носителем преданий моральных, культурных и религиозных, живой носительницей той духовной традиции, жизненной и творческой, которая жила и развивалась во многих старых русских культурных семьях и вдохновила много самого ценного из созданий русской духовной культуры»¹. Мать была духовным центром семьи. Ей, глубоко верующей женщине, было дорого не только физическое состояние, но более всего духовный облик ее детей. Вот один из примеров того религиозного влияния, какое оказывала Софья Алексеевна на сознание своих детей. «Моя маленькая сестренка – кажется, Тоня, – вспоминает Е.Н. Трубецкой, – ползет под столом после обеда и собирает крошки. Она знает, что это запрещено, и потому говорит: – Мама, отвелнись, я буду собирать крошки.

Мама указывает на образ и говорит: – Я не увижу, так Бог увидит.

«Смысл по существу неизменен и вечен»

Исполнилось 150 лет со дня рождения Е.Н. Трубецкого

А Тоня ей отвечает: – Пелвелни Бога.

Не помню, что сказала на это мама. Помню только, что с этой минуты с какой-то необычайной силою гипноза мне врезалось в душу религиозное ощущение, навсегда оставшееся для меня одним из центральных и самых сильных, – ощущение какого-то ясного и светлого ока, пронизывающего тьму, проникающего и в душу, и в самые глубины морские; и никуда от этого взгляда не укроешься... Вот с тех пор врезалась мне в сознание эта интуиция всевидения, которому до дна все светло и перед которым все самое ничтожное открыто – и крошки под столом и душа ребенка, собирающего их»².

Уже в шестом классе гимназии братья Трубецкие начинают серьезно заниматься философией. В это же время у братьев начинается «нигилистический период». Е. Трубецкой вспоминает по этому поводу: «Помнится, моя мать, с тревогою следившая за нашими умствованиями, внушала нам мысль, что нехорошо жить одним умом, надо жить больше сердцем, на что мой брат отвечал: “Что такое сердце, мама: это полый мускул, разгоняющий кровь вниз и вверх по телу”... Мама огорчилась, и, чтобы ее утешить, я тут же заявил, что я глубоко уважаю Иисуса Христа. Тут, совершенно для меня неожиданно, мама горько заплакала. Она была готова скорее помириться с чем угодно – с пламенным отрицанием, с враждою против веры, но “уважения” к Иисусу Христу она перенести не могла»³.

Братьями Трубецкими были прочитаны сочинения Бокля, Миля, Спенсера, с увлечением они читали Белинского. В начале 1879 г. брат Евгения Николаевича Сергей сделал следующее признание в своем дневнике: «...Я предался наукам, у Бога я отнимал один атрибут за другим, и мне все-таки казалось, что моя вера делается глубже и глубже... она сделалась, наконец, так глубока, что я ее не нашел. Мне было тягостно это сознание, но я по крайней мере всегда готов служить истине, где бы я ее ни нашел. Вот что было со мною... то же будет и со всеми»⁴.

Седьмой класс гимназии стал для Сергея и Евгения Трубецких переломным. Их детская самоуверенность стала пропадать, а вместо нее пришло сомнение

во всякой достоверности, болезненно переживаемое обоими братьями. «В конце концов, я вышел из этого тупика не столько силою мысли, сколько силою жизни и молодости, – вспоминает Е. Трубецкой. – В безотчетном влечении жизни я стал чувствовать какую-то неосознанную мудрость, какой-то смысл, который не дается уму. В этом влечении как будто открывалась мне какая-то утраченная умом достоверность, – достоверность ценности жизни»⁵. В конце концов перед Трубецкими возникла дилемма: «Одно из двух: или Бог есть, или жить не стоит»⁶. Несомненно, все предшествовавшее интеллектуальное и духовное развитие готовило братьев Трубецких к постановке религиозного вопроса. Как раз в это время в «Русском Вестнике» печаталась «Критика отвлеченных начал» Владимира Соловьева, а также роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Прочитанное братьями оказало на них громадное влияние и разрешило внутренние противоречия. С другой стороны, возвращению к христианскому мировоззрению способствовало знакомство Сергея и Евгения с наследием славянофилов и прежде всего, с учением А.С. Хомякова о Церкви как о Теле Христовом. Братья Трубецкие приходят к выводу, что вне общения со своим Творцом, вне органического соединения с Ним человеческий разум бессодержателен и пуст, и Церковь является подлинной сферой богопознания.

«Помню то глубокое чувство внутреннего счастья, которое проникло в душу, когда она озарилась сознанием истины Христовой, – вспоминает Е.Н. Трубецкой. – Это была радость исцеления в буквальном смысле слова, потому что я переживал восстановление разрушенной целостности моего человеческого существа. До этой минуты все в нем было раздор и внутреннее противоречие. Душа требовала полноты бытия как цели... а разум в то же время утверждал, что вся эта цель – иллюзия... Обращение к вере отцов для меня не было отречением от разума. Как раз наоборот: я почувствовал, что только теперь он приобретает то содержание, которое он доселе искал, ибо в Церкви – Теле Христовом – Святое, Божественное становится фактом опыта. С этой точки зрения я почувствовал, что Откровение,

которое я принял, не есть какое-либо ограничение и стеснение для разума. Наоборот, оно бесконечное поле для открытий мысли и потому – бесконечная для нее задача. Ибо откровение должно быть принято не как мертвая буква; то, что открыто, должно быть осознано. Приняв веру, я не только не отбросил философию; наоборот, я стал верить в нее так, как раньше никогда не верил, потому что почувствовал ее призвание – быть орудием Богопознания»⁷.

Наиболее значительным философским трудом Е. Трубецкого является его книга «Смысл жизни». В предисловии к книге он пишет, что «этот труд есть выражение всего мирозерцания автора». Под влиянием В.С. Соловьева – тема о смысле жизни ставилась не просто как потребность найти гармонию в субъективном мире, вообще не как тема моральная, – а как тема онтологии. «Смысл по существу (должен быть) неизменен и вечен», – утверждает Е. Трубецкой. И эта платоновская установка чрезвычайно типична для него – в ней ключ к пониманию его философских исканий и построений.

Евгений Трубецкой был профессором Киевского, а потом Московского университета, членом Государственного совета. Он участвовал в организации и деятельности Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева, был инициатором и участником книгоиздательства «Путь» (1910–1917). После 1917 года Трубецкой покинул Москву и вступил в Добровольческую армию. Скончался он от тифа в 1920 году в Новороссийске.

При составлении биографического очерка использовались материалы диссертации С. Елисеева «Гносеологические и метафизические предпосылки теодицеи князя Е.Н. Трубецкого» и статьи прот. Василия Зеньковского

¹ Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1974. – 308 с. С. 250.

² Трубецкой Е.Н. Из прошлого // Князь Трубецкие: Россия восприняет! – М., 1996. – С. 8–44. С. 22.

³ Там же. С. 41.

⁴ Цит. по Басин И.В. Предыстория творческого пути князя С.Н. Трубецкого // Вопросы философии. – М., 1995. – № 9. – С. 106–119. С. 107.

⁵ Трубецкой Е.Н. Воспоминания. – София, 1921. – 223 с. – Машинопись. С. 69.

⁶ Там же. С. 73.

⁷ Там же. С. 75–76.

Фрагмент из статьи Е.Н. Трубецкого «Умозрение в красках» (1915 г.)

И Вопрос о смысле жизни, быть может, никогда не ставился более резко, чем в настоящие дни обнажения мирового зла и бессмыслицы.

...В течение беспредельной серии веков в мире царствовал ад – в форме роковой необходимости смерти и убийства. Что же сделал в мире человек, этот носитель надежды всей твари, свидетель иного, высшего замысла? Вместо того чтобы бороться против этой «державы смерти», он изрек ей свое «аминь».

...Если в самом деле вся жизнь природы и вся история человечества завершаются этим апофеозом злого начала, то где же тот смысл жизни, ради которого мы живем и ради которого стоит жить? Я воздержусь от собственного ответа на этот вопрос. Я предпочитаю напомнить то его решение, которое было высказано отдаленными нашими предками. То были не философы, а духовидцы. И мысли свои они выражали не в словах, а в красках. И тем не менее их живопись представляет собою прямой ответ на наш вопрос. Ибо в их дни он ставился не менее резко, чем теперь. Тот ужас войны, который мы теперь воспринимаем так остро, для них был злом хроническим. Об «образе зверином» в их времена напоминали бесчеловечные орды, терзавшие Русь. Звериное царство и тогда приступало к народам все с тем же вековечным искушением: «все сие дам тебе, егда поклонишися мне»...

И Сущность той жизненной правды, которая противоплагается древнерусским религиозным искусством образу звериному, находит себе исчерпывающее выражение не в том или ином иконописном изображении, а в древнерусском храме в его целом.

...Когда смотришь издали при ярком солнечном освещении на старинный русский монастырь или город, со множеством возвышающихся над ним храмов, кажется, что он весь горит многоцветными огнями. А когда эти

огни мерцают издали среди необозримых снежных полей, они манят к себе как дальнейшее потустороннее видение града Божьего. Всякие попытки объяснить луковичную форму наших церковных куполов какими-либо утилитарными целями (например, необходимою заострить вершину храма, чтобы на ней не залежался снег и не задерживалась влага) не объясняют в ней самого главного – религиозно-эстетического значения луковичицы в нашей церковной архитектуре.

...Внутри древнерусского храма луковичные главы сохраняют традиционное значение всякого купола, то есть изображают собой неподвижный свод небесный; как же с этим совмещается тот вид движущегося кверху пламени, который они имеют снаружи? Нетрудно убедиться, что в данном случае мы имеем противоречие только кажущееся. Внутренняя архитектура церкви выражает собою идеал мирообъемлющего храма, в котором обитает Сам Бог и за пределами которого ничего нет; естественно, что тут купол должен выражать собою крайний и высший предел вселенной, ту небесную сферу, ее завершающую, где царствует Сам Бог Саваоф. Иное дело – снаружи: там над храмом есть иной, подлинный небесный свод, который напоминает, что высшее еще не достигнуто земным храмом; для достижения его нужен новый подъем, новое горение, и вот почему снаружи тот же купол принимает подвижную форму заостряющегося кверху пламени.

Нужно ли доказывать, что между наружным и внутренним существом полное соответствие; именно через это видимое снаружи горение небо сходит на землю, проводится внутрь храма и становится здесь тем его завершением, где все земное покрывается рукою Всевышнего, благословляющей из темно-синего свода. И эта рука, побеждающая мирскую рознь, все приводящая к единству соборного целого, держит в себе судьбы людские.

Мысль эта нашла в себе замечательное образное

выражение в древнем новгородском храме св. Софии (XI век). Там не удались многократные попытки живописцев изобразить благословляющую десницу Спаса в главном куполе: вопреки их стараниям получилась рука, зажатая в кулак; по преданию, работы в конце концов были остановлены голосом с неба, который запретил исправлять изображение и возвестил, что в руке Спасителяжат сам град Великий Новгород, когда разожмется рука – надлежит погибнуть граду тому.

Замечательный вариант той же темы можно видеть в Успенском соборе во Владимире на Клязьме: там на древней фреске, написанной знаменитым Рублевым, есть изображение – «праведницы в руце Божией» – множество святых в венцах, зажатых в могучей руке на вершине небесного свода; к этой руке со всех концов стремятся сонмы праведников, созываемые трубой ангелов, трубящих кверху и книзу.

Так утверждается во храме то внутреннее соборное объединение, которое должно победить хаотическое разделение и вражду мира и человечества. Собор всей твари как грядущий мир вселенной, объемлющий и ангелов, и человеков, и всякое дыхание земное, – такова основная храмовая идея нашего древнего религиозного искусства, господствовавшая и в древней нашей архитектуре, и в живописи. Она была вполне сознательно и замечательно глубоко выражена самим святым Сергием Радонежским. По выражению его жизнеописателя, преподобный Сергий, основав свою монашескую общину, «поставил храм Троицы, как зеркало для соборных им в единожитие, дабы взираньем на Святую Троицу побеждался страх перед ненавистной раздельностью мира». Св. Сергий здесь вдохновлялся молитвой Христа и Его учеников «да будет едино яко же и мы». Его идеалом было преобразование вселенной по образу и подобию Св. Троицы, то есть внутреннее объединение всех существ в Боге. Тем же идеалом вдохновлялось все древнерусское благочестие; им же жила и наша иконопись.

Если скажут: «Давайте отменим исповедь перед причастием» - я буду категорически против

Протоиерей Павел Великанов, главный редактор портала «Богослов.ру» - о дискуссии по документу Межсоборного присутствия о подготовке к причастию

Начало на с. 1

Что, собственно, изменилось?

Изменилось качество самих христиан. Но главное изменение – это то, что образ Христа слился с неким образом Бога вообще. В массовом сознании Христос из главы общины превратился в одного из богов, которым люди служат, выполняя различные религиозные предписания. Человек такой веры приходит в храм молиться Богу о своих проблемах, нуждах, бедах, благодарить за радости примерно по той же причине, по какой иудей приходит в синагогу, мусульманин приходит в мечеть, а язычник – к какому-то идолу.

Бог воспринимается инструментально. Как некое средство для достижения цели, которая может быть и самой высокой. Но христианство разительным образом изменяет акценты. Прежде всего в этих мотивах обращения к Богу.

А как надо?

В древней христианской общине человек приходил в храм не потому, что он заболел или ему нужно решить какую-то проблему. Он приходил потому, что для него было дорого общение со Христом. Единение в братской молитве с другими христианами было средоточием его жизни. Это давало силу жить в мире, враждебном ко Христу и христианам. К сожалению, произошёл уход от общинного сознания. От понимания Церкви как присутствия живого Христа среди людей, а не как института управления церковным народом. Это произошло задолго до революции и всех последовавших печальных событий. Приходит время осмыслить этот опыт и понять, что без возрождения полнокровных христианских общин мы не сможем получить обновленный церковный организм. Можно издавать сколько угодно правильных распоряжений и даже пытаться их правильно исполнять, но без обновления первичной клетки церковного организма, какой является община, тело не обновится, тело не станет лучше, здоровее и крепче.

Где искать главную проблему?

Проблема не столько во внешних существующих нормах, сколько в сознании наших церковных людей. Я не считаю, что сейчас надо вводить какие-то новые подходы к регламентации таинств исповеди и причащения. В существующей традиции ничто не мешает священнику давать благословение своим духовным чадам причащаться так часто, как они хотят. Нельзя запретить священнику определять тот объём молитвенного правила, строгости поста и других форм говения, которые требуются для желающих причаститься. И в этом смысле у нас есть две проблемы: нежелание самих прихожан часто приступать к причащению и внутренняя боязливость духовенства допускать ревностных прихожан к этим таинствам.

Насколько сегодня возможно изменение регламента в пользу отмены обязательной исповеди перед причастием?

Если скажут: «Давайте отменим исповедь перед причастием» – то я буду категорически против. Почему? Потому что при нынешнем понимании большинством церковных православных людей самого содержания православной веры обязательная исповедь перед причащением – это единственный работающий инструмент, который позволяет избежать окончательной изоляции

священника от паствы. Как только мы вслух произнесём, что можно причащаться без обязательной исповеди, мы получим огромное количество жаждущих причаститься. При этом многих из этих желающих лучше бы к Чаше не допускать. Просто потому, что они не созрели ещё, чтобы вести нормальную церковную жизнь. Их надо сначала оглашать. Потом – исповедовать. Это и есть те самые оглашенные, которых надо выводить из храма, когда начинается Евхаристия, а не пускать их к Чаше без исповеди.

Вы упоминали опыт зарубежного православия. Почему там это возможно?

В греческой традиции, например, нет жёсткой связи между исповедью и причащением. Но надо понимать, что там совершенно другой уровень религиозного образования. Там, начиная с дошкольника и заканчивая выпускниками средней школы, все изучают Закон Божий. Поэтому там случайные люди к причастию не ходят. У них всё-таки есть страх Божий независимо от того, насколько они воцерковлены. Это совсем не российская ситуация. И главное – у них нет нашего постсоветского синдрома – раз я соизволил переступить порог храма, вы мне все тут должны. Отказать крестить ребёнка при полном непонимании родителями и крёстными, зачем это Таинство, не допустить к Причащению – всё это, как правило, воспринимается у нас как личное оскорбление. С другой стороны, в обычной приходской практике в Элладской церкви есть чёткая регламентация условий участия в Евхаристии. Если человек хочет начать духовную жизнь, он прежде всего ищет себе священника, с которым он мог бы вместе решать духовные вопросы. Ищет не прозорливого старца, который поможет ему разрулить все сложности его жития, как некий духовный менеджер. Он ищет того, с кем он мог бы советоваться – некоего свидетеля жизни во Христе. Поэтому там есть глубокие внутренние тормоза, которые не позволяют профанировать таинства. Но нам нельзя эту практику механически транспортировать из-за кордона в наше отечество и надеяться на улучшение качества нашей духовной жизни. Такой перенос приведёт к прямо противоположным результатам.

В какую сторону в этом вопросе надо двигаться, на Ваш взгляд?

Я думаю, что главное направление – это выделение достаточного внебогослужебного времени для общения духовенства со своими прихожанами. В нашем храме была такая традиция, когда настоятель храма один раз в неделю принимал людей для беседы в Лавре. Это старая традиция. Внутренний фокус я бы предпочёл сместить с самой исповеди на такие встречи. Тогда и качество исповеди станет совершенно другим. Человеку не надо будет рассказывать первому попавшемуся батюшке всю свою жизнь, чтобы объяснить, откуда у него все его духовные проблемы. А батюшка не будет нервничать из-за очередей в пятьдесят человек с такими же проблемами.

Беседовал Андрей Васенёв

Об очевидном и бесспорном трединогласно свидетельствует в

11 сентября на сайте «Богослов.ру» в очередной раз были опубликованы для дискуссии пять документов Межсоборного присутствия.

Напомним, что после того, как летом 2009 года было утверждено Положение о Межсоборном присутствии, а также определен круг вопросов, входящих в его компетенцию, к публичной дискуссии было предложено более 20 документов, разработанных в различных комиссиях Присутствия. Основной площадкой их обсуждения стал портал «Богослов.ру». Практически все документы (за редким исключением) впоследствии были приняты Архиерейскими соборами в разные годы. Нужно сказать, что лишь в нескольких случаях интернет-дискуссия была достаточно большой по объёму (значительно более 100 комментариев) и острой: при обсуждении документа о церковнославянском языке («Кифа» печатала обзор этой дискуссии), документа об ИНН и документа о монастырях. Аналитики в один голос говорят, что главным недостатком этих объёмных (до полутора тысяч постов) наборов комментариев является очень низкий богословский уровень и очень малая общая конструктивность обсуждения.

Один из новых документов, скорее всего, встанет в ряд наиболее обсуждаемых: менее чем за месяц под положением «О подготовке ко Святому Причащению» появилось более пятисот комментариев. Сегодня мы публикуем не только интервью с главным редактором портала «Богослов.ру», протоиереем Павлом Великановым, но и фрагмент из бакалаврской работы студентки СФИ Ольги Кузнецовой, позволяющий представить себе богословский контекст обсуждаемой проблемы. Ведь на наш взгляд, одна из главных проблем дискуссии – в том, что всего лишь в двух-трех комментариях из многих сотен затрагивается проблема церковного, общинного измерения Евхаристии. Хотелось бы привести здесь текст одного из этих комментариев практически полностью:

«Протоиерей Василий Шауэрман, Владикавказ. 13.09.2013 в 21:38: Причащение есть логическое завершение участия христианина в Литургии, это если хотите – плод, который воспоследует за стремлением каждого её участника стать причастником общего дела, то есть Литургии. Евхаристия есть Таинство соби́рания вместе народа Божия, а Причащение – следствие. В «проекте» же сохраняется подход, согласно которому Евхаристия есть техническое священнодействие, цель которого Причащение. Но ведь в древности так не мыслили.

Первые, да и последующие поколения христиан в Церковь собирались в данном месте и в данное время, чем осуществляли Её («В так называемый день солнца бывает у нас собрание в одно место всех живущих по городам или сёлам...» – пишет Иустин Мученик), а Причащение было логичным завершением этого участия в собрании. Зачем же разделять участие и причащение?! Апостол Павел пишет: «Когда вы собираетесь в церковь...» (1 Кор. II, 18), этими словами он даёт понять что СОБРАНИЕ является необходимым условием совершения Евхаристии, а Причащение неотделимое её исполнение. Доколе же этот механический регламент будет царствовать в Церкви?! Сколько раз причащаться, что ты сделал для того, чтобы быть достойным..., неужели из содержания самой Литургии непонятно, что Бог Сам удостоивает участников этого великого Таинства? Не безумие ли создавать «бремена неудобноносимые» для «малых сих»?!

Слава Богу, что вопросы экклесиологии стали обсуждаться на общецерковной площадке. К сожалению, возрождая церковную жизнь, почти повсеместно воспроизводят дореволюционную практику отношения к Евхаристии (намеренно делая акцент – не к Причащению ибо оно следствие, а к Евхаристии). Новомученики и исповедники Российские говорили, что Бог разрушил тело церкви в России как раз за то, что мы отошли от полноты святоотеческого понимания Церкви как Тела Христова. Так зачем же снова воспроизводить то, за что Бог нас так страшно сокрушил в 1917 году?! Необходимо отказаться от школьной (средневековой, западной) схоластики и начать заниматься воспитанием евхаристического сознания у прихожан наших общин, учить прихожан не бегать к батюшке за количественным регламентом, а понимать, что они уже призваны как «народ избранный в удел», «царственное священство», непрестанно стремиться быть со Христом в Его Церкви. Сам Господь наш Иисус Христос говорит, что есть только одно ВЕЛИКОЕ условие, необходимое для всех приступающих: «Жаждающий да грядёт ко Мне и да пьёт...» Уж слишком не пропорционально мы уделяем внимание вторичным вещам, мы этим только способствуем примитивизации религиозной жизни, сошли на уровень обсуждения, сколько и что мне поест... Необходим призыв непрестанно возгревать в себе жажду богообщения.

Евхаристический пост во времена апостолов состоял только из двух правил: 1) не вкушать пищи перед Причащением, то есть после полуночи и 2) в канун причастия (в течение суток перед причащением) не делить супружеское ложе со второй половиной... и всё. Было время, когда Русь была единым монастырём, и в контексте той жизни сложился особый, основанный на ригористических началах строй жизни. Но сейчас другое время и оно требует от нас нового осмысления церковного предания...»

Публикую сегодня текст, содержащий краткий анализ понятия «Евхаристическое собрание», мы хотели лишний раз обратить внимание читателей на то, что есть вопросы церковной жизни, которые невозможно обсуждать вне контекста, прежде всего – не имея определенного представления о границах Церкви (о чём в свою очередь напоминает в своём интервью и о. Павел Великанов). Подлинное евхаристическое возрождение невозможно без возрождения общинных, братских отношений внутри церкви, когда каждый приход и община будет поименно знать своих членов, в том числе – хорошо понимать, кто находится под епитимьей, кто приехал издалека и пришел «в гости», кто заглянул на службу первый или второй раз в жизни. Только тогда и вопрос о подготовке к причастию можно будет решать не формально, а по существу.

В настоящее время евхаристическая экклесиология получает всё большее распространение и порой воспринимается как изложение православного учения о Церкви¹. Главная идея такой концепции состоит в первичности для Церкви Евхаристии и евхаристического собрания.

Надо отметить, что подобное видение церковного устройства дало определенный импульс в XX веке: было переосмыслено значение Евхаристии, стали возрождаться некоторые забытые прежде литургические формы (чтение евхаристических молитв вслух, проповедь после чтения Писания и т. п.), всё чаще стали звучать призывы к преодолению разобщённости между верующими, более регулярному и частому причастию.

Однако вопрос о самом евхаристиче-

ском собрании, его природе и границах по-прежнему стоит довольно остро в современной литургической и богословской литературе, поскольку своего решения он пока так и не получил.

Характерно, что в «Православной энциклопедии» в довольно обширной статье «Евхаристия» много внимания уделено истории развития Евхаристии, претворению Святых Даров, но нет ни одного упоминания о евхаристическом собрании, которое эту Евхаристию совершает.

Термин «евхаристическое собрание» утвердился в научном богословском церковном обиходе по инициативе протопр. Николая Афанасьева. Говоря его словами, «евхаристическое собрание выявляет Церковь Божию во Христе во всей полноте её единства»². Именно в Церкви

Единстве Соборания, Евхаристии и Церкви всё раннее предание

каждый служит Богу, и своё полное выражение служение верных находит в евхаристическом собрании³.

В связи с обсуждением реальности евхаристического собрания протопр. Николай Афанасьев останавливает своё внимание на двух вопросах. Во-первых, процесс вхождения человека в Церковь, его воцерковление, есть поставление новокрещённого на царственно-священническое служение, т. е. входящий в Церковь получает дары Духа Святого, которыми он теперь призывается служить. Во-вторых, это поставление совершается только ради евхаристического собрания⁴, потому что именно собрание является в представлении о. Николая содержанием жизни Церкви, т. к. через собрание исполняется миссия Церкви. Природа и характер служения, на которое верный поставляется, раскрывается в том, что он включается в народ Божий, который собран Богом и служит Богу. Другими словами, общее служение верных есть служение самой Церкви.

Протопресвитер Николай Афанасьев, определяя евхаристическое собрание, опирается на представление о Церкви в известном послании Игнатия Антиохийского к магнезийцам: «в общем собрании (ἐν τῷ αὐτῷ) да будет у вас одна молитва, одно прошение, один ум, одна надежда в любви и в радости непорочной»⁶.

Отец Николай термин «евхаристическое собрание» вводит как «собрание всех в одно место для одного и того же»⁷ – ἐν τῷ αὐτῷ. Это наиболее очевидное определение, которое согласуется со словами послания апостола Павла: «Когда вы собираетесь в церковь...» (1 Кор 11:18). На эти слова Священного писания опирались и о. Александр Шмеман, и митр. Иоанн (Зизиулас), видя в них указание именно на евхаристическое собрание. Для них очевидно, что речь идёт не о стенах или храме, а об определенном качестве собрания (см. также 1 Кор 11:33, 14:23).

Протопресвитер Александр Шмеман, опираясь на раннехристианские памятники, пишет, что собрание (συνάξις) является первым и основным актом Евхаристии⁹, потому что невозможно служить Евхаристию без собрания, без тех, кто собран на одно – ἐν τῷ αὐτῷ. Он делает специальный акцент на том, что само слово «ἐκκλησία»¹⁰ (церковь) означает собрание, причем собрание именно евхаристическое, для «преломления хлеба» (см. Деян 2:42, 46). Он отмечает очевидное и бесспорное триединство – Соборания, Евхаристии и Церкви, о котором, вслед за апостолом Павлом, единогласно свидетельствует всё раннее предание Церкви¹¹. Именно в раскрытии сущности этого триединства протопр. Александр видел задачу современного литургического богословия.

В эмпирической жизни Церкви это очевидное для первохристианского времени единство Евхаристии, Соборания и Церкви стало постепенно забываться¹².

Протопресвитер Николай Афанасьев одной из причин этого называет эллинское сознание, которое не преодолело для себя соблазн индивидуализма, но внесло его в христианство¹³. В конце III – начале IV вв., когда в христианство стали массово обращаться язычники, произошло ослабление основ церковной жизни, что выразилось в том, что церковь «допустила возможность добровольного неучастия верных в Евхаристическом собрании»¹⁴. Правда, позднее эта практика была ограничена тремя воскресными днями¹⁵. Отец Николай отмечает, что это послужило началом упадка Евхаристической жизни, который довольно скоро стал проявляться и в другом факте – на Евхаристическом собрании стали оказываться не только участники, но и присутствующие¹⁶.

Митрополит Иоанн (Зизиулас), описывая увеличение верующих в III–IV вв., особый акцент делает на том, что воз-

никает институт «приходов», который представляет «проблему как для экклезиологии, так и для литургики»¹⁷.

О возникновении приходов пишет и протопр. Александр Шмеман. Он отмечает, что, начиная с V века в трудах «ареопагитик», связь Соборания, Церкви и Евхаристии утрачивается, и Евхаристия становится просто одним из таинств, а о Собрании уже не идёт речи¹⁸.

Дальнейшую историю о. Николай Афанасьев оценивает как всё большее расхождение Соборания и Евхаристии. Так к XII в. во времена Вальсамона не только появилась, но и закрепились, «вторая группа верных», которая только присутствовала на Евхаристии, не подвергаясь за это отлучению. Прежние канонические правила перестали соблюдаться даже формально, и постепенно группа «непричащающихся» становится преобладающей. Из Соборания ушло самое главное качество – ἐν τῷ αὐτῷ, которое перестало восприниматься как необходимое, каждый стал приходить сам по себе, не считая нужным и должным участвовать в общем служении всех.

Утрата связи между Собранием и Церковью отразилась также на практике Причастия, в связи с чем появляются аргументы о недостойнстве верных, и, следовательно, невозможности частого причастия. Этот вопрос о. Николай разбирает подробно. Он приходит к заключению, что сама постановка вопроса о достоинстве и недостойнстве связана с вопросом о церковном и индивидуальном пути спасения. Опираясь на слова сщмч. Киприана Карфагенского, о. Николай пишет, что «вне Церкви нет спасения, т. к. нет спасения вне Евхаристического собрания; всякий иной путь есть путь индивидуализма, которого не знает Церковь»¹⁹.

Постепенно Евхаристия стала совершаться несколько раз в неделю, ещё позже ежедневно. Отец Николай, рассматривая этот процесс, приходит к выводу, что поскольку Евхаристия перестает быть собранием всех, а остается собранием только некоторых, эти последние должны были меняться от одной Евхаристии к другой. Это означало то, что Евхаристия перестала восприниматься как дело всей Церкви и стала служить независимо от собрания. Такое отношение привело к тому, что молитвы стали читаться «тайно» в алтаре, верующие, действительно, стали меняться от Литургии к Литургии.

Протопресвитер Александр Шмеман, отмечая упадок благочестия и церковной дисциплины, говорит о некотором «экклезиологическом кризисе»²⁰, который стал выражаться в клерикализации Церкви и всё большем отдалении друг от друга духовенства и мирян. Поэтому возникло наименование «мирян» (κοιτικῶν) вместо прежнего «лаики» (члены народа Божия, λαϊκός), а Евхаристия стала совершаться для них, но в совершении её они перестали участвовать. Митрополит Иоанн (Зизиулас) справедливо отмечает, что в том виде, в котором Евхаристия сегодня совершается, она есть всё, что угодно, но только не собрание «вместе» – «вместо собрания "вместе" следует говорить теперь, скорее, о рассеянии верующих»²¹. Подобное отмечает и протопр. Николай Афанасьев, который пишет что «мы сейчас почти никогда не бываем вместе»²²: он констатирует факт разрозненности верующих, их разобщённости даже в тот момент, когда совершается Евхаристия.

Итак, подобно тому, как изначально признавалось единство и даже тождество Церкви, Евхаристии и Соборания, в современной православной экклезиологии констатируется факт разрыва связи между этими понятиями в жизни Церкви. Изначальное представление о Церкви как собрании всех «ἐν τῷ αὐτῷ» постепенно вытесняется, отходит на задний план, и Евхаристия начинает совершаться вне зависимости от того, есть собрание или нет. К сожалению, о причинах этого разрыва практически никто из перечисленных

авторов не говорит, но последствия его нашли своё отражение в так называемом «евхаристическом кризисе».

Понятие «евхаристического кризиса» принадлежит протопр. Александру Шмеману, который, наблюдая за современной церковной жизнью, видел, что существует некоторое расхождение между тем, что возглашается и содержится в предании Церкви, и тем, что реально в ней является и существует. Расхождение между этими двумя реальностями о. Александр называет своего рода «шизофренией», которая подменяет саму основу жизни Церкви²³.

Подобного рода явления ощущали и описывали также протопр. Николай Афанасьев и митр. Иоанн (Зизиулас). Каждый из них по-своему описывал признаки этого состояния жизни церкви. Но в целом все они сходятся в том, что в истории произошло некоторое угасание евхаристического понимания Церкви, что к Евхаристии стали относиться индивидуалистически и потребительски, что христианская жизнь стала вытесняться обрядами и идеологией. И произошло это потому, что была забыта подлинная природа Церкви и Евхаристии.

В результате в самом чинопоследовании Литургии центральными становятся не самые существенные моменты: забыто, что именно собранность вместе является условием присутствия Христа, а не наоборот²⁴.

Рассматривая нарушение целостности Евхаристии и Литургии, о. Александр показывает, что только в их единстве можно увидеть глубину церковного Предания. Он выделяет несколько главных недостатков, которые имеют место в современной литургической практике:

1. Изобилие аллегорического символизма, который толкует какие-то отдельные моменты священнодействия, подменяя их тем, чем они на самом деле не являются.
2. Чтение про себя «тайных» молитв, отчего подавляющее большинство верных оказывается вне общей евхаристической молитвы.
3. Разделение между духовенством и мирянами во время причащения, разделения алтаря и всего остального храма, деление всех на посвящённых и непосвящённых.

Таким образом, о. Александр устанавливает связь между «евхаристическим» кризисом и «экклезиологическим» кризисом. Он пишет, что можно найти и другие недостатки, которые сейчас воспринимаются порой как норма церковной жизни, но они во многом обусловлены основными, перечисленными выше.

Отец Александр видит возрождение церковной жизни не в реформах или модернизации, не в каких-то внешних изменениях, а в возвращении к тому видению и тому опыту, которым изначально жила Церковь. Источником этого исцеления и возрождения протопр. Александр Шмеман признаёт именно Евхаристию. А стало быть, возрождение евхаристического собрания, живой и подлинной церковности, – одно из центральных моментов такого «исцеления».

Протопресвитер Николай Афанасьев также признаётся, что он далёк от идеи о каких-то существенных литургических реформах и изменениях, его задача, прежде всего в том, чтобы помочь возродить подлинный смысл того, что ныне забыто²⁵. А для этого необходимо совершить «μετάνοια (покаяние) в самих себе, прежде чем делать какие-либо перестановки в литургическом обиходе». Это покаяние (изменение) прежде всего должно коснуться преодоления индивидуализации церковной жизни.

Митрополит Иоанн (Зизиулас), в свою очередь, считает, что необходимо сохранять от повреждения духом мира сего основные элементы Церкви – Евхаристию, монашество и дух прощения, поэтому призывает к тому, чтобы «беречь как зеницу ока правильное совершение

Евхаристия. Фреска. Византия, XIV в. Салоники, церковь Николая Орфаноса

Божественной Литургии». Речь здесь идёт о сохранении того, что для митр. Иоанна (Зизиуласа) представляется вполне очевидным – чтобы каждую Евхаристию совершал епископ. Он признает, что нарушается норма евхаристического собрания, когда этого не происходит, и что восстановить её можно простым волевым решением. Представляется, что это слишком простое решение, в то время как о. Николай и о. Александр пишут о существенных искажениях в практике жизни Церкви, которые явно не могут быть разрешены подобными мерами.

Скорее можно рассчитывать на то, что именно возрождение живой церковности и обновление изначальных смыслов, о которых писали о. Николай Афанасьев и о. Александр Шмеман, способны возродить не только евхаристическое собрание, но и жизнь всей Церкви.

Ольга Кузнецова

¹ См. Фельми К.Х., проф. Введение в современное православное богословие. М.: Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, 1999. С. 173.

² Афанасьев Н., прот. Единое евхаристическое собрание древней Церкви. Приложение к докторской диссертации Ecclesia Spiritus Sancti // Вестник русского христианского движения, 2010. № 2 (197). С. 14.

³ См. Афанасьев Н., прот. Церковь Духа Святого. Киев: Центр православной книги, 2005. С. 50.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ В пер. с греческого «ἐν τῷ αὐτῷ» означает «вместе на одно».

⁶ Раннехристианские отцы Церкви. Брюссель: Жизнь с Богом, 1978. С. 113.

⁷ Афанасьев Н., прот. Трапеза Господня. Киев: QUO VADIS, 2011. 160 с. С. 25.

⁸ См. Евхаристия // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. 17. С. 537.

⁹ Шмеман А., протопр. Евхаристия. Таинство Царства. 2-е изд. Репринтное воспроизведение издания 1984 г. М.: Изд-во «Паломник», 1992. С. 12.

¹⁰ В переводе слово «ἐκκλησία» означает народное собрание, свободных жителей, обладающее в т.ч. законодательными правами.

¹¹ См. Шмеман А., протопр. Евхаристия. Таинство Царства. С. 7.

¹² Там же. С. 8.

¹³ См. Афанасьев Н., прот. Трапеза Господня. С. 122.

¹⁴ Там же. С. 107.

¹⁵ См. 80-е правило Шестого Вселенского Константинопольского собора.

¹⁶ См. Афанасьев Н., прот. Трапеза Господня. С. 107.

¹⁷ Иоанн (Зизиулас), митр. Церковь и Евхаристия. С. 67.

¹⁸ «В этой "схоластической" догматике экклезиологический смысл Евхаристии просто игнорируется, как забыто в ней и евхаристическое измерение экклезиологии, то есть учения о Церкви». (Цит. по: Шмеман А., протопр. Евхаристия. Таинство Царства. С. 8).

¹⁹ Афанасьев Н., прот. Трапеза Господня. С. 112, 117, 119.

²⁰ Шмеман А., протопр. Евхаристия. Таинство Царства. С. 282-284.

²¹ Иоанн (Зизиулас), митр. Церковь и Евхаристия. С. 220.

²² Афанасьев Н., прот. Трапеза Господня. С. 10.

²³ «В предании Церкви ничего не переменилось, но переменилось восприятие Евхаристии, самой её сущности. Суть этого кризиса – в несоответствии между совершаемым и восприятием этого совершаемого, его переживанием. До какой-то степени кризис этот всегда существовал в Церкви; жизнь Церкви, вернее церковного народа, никогда не была совершенной, идеальной, но по мере времени кризис этот превратился в некое хроническое, нормативное состояние, в некую подспудную "шизофрению". И "шизофрения" эта отравляет Церковь, подкапывает саму основу церковной жизни» (Цит. по: Шмеман А., протопр. Евхаристия. Таинство Царства. С. 4).

²⁴ «Ранние христиане: Тело Его на престоле, потому что Он среди них. Теперешние христиане: Христос тут, потому что Его Тело на престоле. Как будто бы то же самое, а на деле та основная разница, что отличает раннее христианство от нашего, разница, о которой почему-то не знают, которую почему-то не понимают богословы. Там всё от знания Христа, от любви к Нему. Здесь – от желания "освятиться". Там к причастию приводит следование Христу и из него вытекает следование Христу. Здесь – Христос почти что "ни при чем". Это почти две разные религии <...> но как же тогда знать, где сохранилась Истина? Всё та же забота – о внешней гарантии. "Православие сохранило Истину". Но на самом деле надо говорить иначе: ничего внешнего само по себе не "сохраняет" Истину. Истина живет и побеждает только сама собою» (Цит. по: Шмеман Александр, протопр. Дневники. 1973-1983. М.: Русский путь, 2005. С. 67).

²⁵ «Прежде, чем решаться на какие бы то ни было реформы, надо понять и осмыслить, что содержит Церковь. Большею частью наша неудовлетворенность определяется не столько дефектами нашей литургической практики, сколько тем, что мы утеряли смысл того, что совершается Церковью». (Цит. по: Афанасьев Н., прот. Трапеза Господня. С. 9).

Слева направо: Константин Сигов, директор научно-издательского объединения «Дух і літера»; архиепископ Томас Эдуард Галликсон, апостольский нунций в Украине; митрополит Киевский и всея Украины Владимир; митрополит Вышгородский и Чернобыльский Павел, заместитель Свято-Успенской Киево-Печерской лавры. Фото: Кирилл Мозгов

Чтения проходили в Киево-Печерской лавре и Институте религиозных наук им. св. Фомы Аквинского. С приветственным словом к участникам обратился митрополит Киевский и всея Украины Владимир.

Непростой судьбе украинского перевода Евангелия был посвящён доклад ректора Киевских духовных школ, управляющего делами Украинской православ-

Кифа

Трудности перевода

15-18 сентября в Киеве прошли XIII Международные Успенские чтения

ной церкви митрополита Бориспольского Антония. Этот перевод, в основе своей подготовленный еще в середине XIX века, был опубликован лишь в 1906 году и недавно переиздан в богослужебном варианте с указанием литургических чтений.

Адальберто Майнарди (Бозе, Италия) посвятил своё выступление переводческой традиции Паисия Величковского, сопоставив его подход с практикой перевода, существовавшей в то время на Западе. Интересно замечание брата Адальберто, что перевод не только не умаляет, но раскрывает и обогащает значение текста, способствуя оживлению предания.

Проблему традиции и традиционализма, сопровождающую переводы церковных текстов на протяжении всей истории, затронул в своём докладе архимандрит Кирилл (Говорун), проректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры свв. Кирилла и Мефодия. Он указал на то, что традиционализм как определённый взгляд на традицию часто не сохраняет, а душит её в своих объятиях.

Академик Европейской академии профессор Жорж Нива (Швейцария) в своём докладе «Переводить неперебиваемое» говорил о бытийственности языка, процитировав при этом поэта Н. Клюева: «Мы любим только то, чему названья нет».

В конференции принял участие преподаватель и руководитель издательства Свято-Филаретовского института Кирилл Мозгов.

Так сложилось, что сегодня разговор о переводах, как правило, сводится к обсуждению проблем языка Писания и святоотеческого наследия, почти не касаясь не менее острой ситуации с языком богослужения, обсуждаемой преимущественно в кулуарах. И в этот раз много говорилось о необходимости нового языка богословия, но на вопрос, что это за язык и как его искать, ответить оказалось трудно.

Разговор о сохранении традиции при переводе на другой язык при последовательном церковном размышлении неизбежно выводит на вопрос передачи Предания – того, что старец Силуан Афонский называл непрерывающимся действием Духа Святого в Церкви, служением Духа, «написанным не чернилами, но Духом Бога живого... на плотных скрижалях сердца». Возможно ли столь же трепетное отношение, как существует к букве Писания, к тому опыту жизни, который стоит за библейскими и литургическими текстами и которым они были вдохновлены?

Информационная служба СФИ

Предание и перевод: дух и буква

Интервью с директором научно-издательского объединения «Дух і літера» Константином Сиговым

Как Вам кажется, какое практическое применение может иметь сейчас тема конференции?

Действительно ли священное неперебиваемо? Этот вопрос верно поставил Андрей Десницкий; издательство «Дух и літера» сейчас издаёт многотомный словарь «неперебиваемостей» – понятий, часто ключевых для конкретных культур Европы – но вместе с тем само неперебиваемое, к которому мы проявляем большое внимание, нельзя сакрализировать. И в этом словаре мы подчёркиваем, что оно неперебиваемо не потому, что это в принципе невозможно, а потому что его не устают вновь и вновь переводить. Эта постоянная работа перевода как раз и даёт для каждого нового поколения чёткий исторический актуальный контур тайны. Но, если мы «делегируем» (или, попросту говоря, ленимся делать это сами) поколениям, бывшим прежде нас: «Вот, они сделали эту работу, а мы просто принимаем это как данность и почиваем на их лаврах», то, конечно, сам контакт с той реальностью, к которой мы обращаемся, часто остаётся смутным, непроявленным, непродуманным и, соответственно, усечённым, бедным, и именно по этой самой причине – агрессивным.

С.С. Аверинцев подчеркивал, что по неизъяснимому снисхождению и деликатности Господь с каждым говорит на его языке и ожидает соответствующего отношения от нас – чтобы мы вслушались, не перебивали и проявляли при этом не только хорошие манеры, которые так любезны были сердцу гениального филолога и философа. Ведь по сути общение с тайной откровения существенным, даже онтологическим образом предполагает вовлечение лучшего, что есть сегодня, в наш язык, в нашу культуру, в наших человеческих ресурсах – во всём, что нам на сегодня дано историей. И если мы их не привлекаем, а пользуемся какими-то дореволюционными наработками, то, соответственно, нечто важное в самих нас не пробуждается для этого общения, не вступает в него, боится, отстраняется. Мне кажется, что для многих речь здесь идёт, безусловно, об отваге, о дерзновении, но в совершенно не сентиментальном стиле; а также о реализме, о той реальности, по отношению к которой человек призван «здесь и сейчас». Помните, так пустыльники говорили: каждое утро я просыпаюсь, чтобы стать перед Богом ныне. Вот это «ныне» – решительно, ведь должна быть реальность этого отношения, не где-то когда-то кем-то выстроенного, о котором я просто информирую.

Не получается ли, что принимая тезис «сакральное неперебиваемо», мы отказываем в каких-то возможностях перевода, скажем, литургическим текстам и таким образом обкрадываем сами себя и современный язык, отказывая ему в возможности послужить для этих переводов?

Я думаю, что тут есть и то, и другое. Мы действительно плохо думаем о своём языке и плохо поступаем по отношению к нашим современникам. Мы всё чаще слышим со стороны вдумчивых людей, которые немало лет назад пришли в церковь, что если их попросят рассказать, о чём говорится в некоторых строчках из 50-го псалма, который читается за каждой литургией, они не смогут ответить. Есть противоположные аргументы – что некоторые переводы звучат слишком просто, иногда даже банально. Но я понимаю, особенно когда читаю переводы на французский, на английский и на другие языки, что всё-таки не эстетика, может быть, в первую очередь, но то, что называют честностью перед Богом, является решающим критерием того, что люди действительно без каких-то шор и различного цвета очков смотрят на ту реальность, которую предлагает псалом в его совершенно не заслоненной никакими драгоценными окладами реальной канве.

Мне кажется, что здесь нельзя сужать проблему. Речь идёт не только о неперебиваемости текстовой, словесной. Речь идёт о гораздо более широком плане внимания, понимания, участия людей, осмысления в совместном обсуждении, которое касается многих сторон реальности. Это касается и иконографии, и социальной работы, это касается вообще того, чтобы мы преодолевали фрагментарность церковной жизни: вот, мол, есть фрагмент литургии, а есть фрагмент, где кто-то занимается социальным служением, а кто-то занимается иконописью. И каждый в своём фрагменте устанавливает некоторый канон: вот здесь – сакральное, а здесь – не очень, а здесь... Это как концентрические круги, они расходятся – и кто-то оказывается совсем на периферии. Ведь не случайно сегодня во всём мире, не только западном, по-новому ставится вопрос о периферии и центре.

Я думаю, здесь тоже стоит эта проблема. Нельзя ту же социальную работу вести, цитируя слово Божие в непонятных формулировках. Сам стиль этой работы предполагает, что какие-то вещи входят в повседневную речь, становятся частью действия и общения. И, соответственно,

получается, что перевод – это не удел нескольких филологов, а сама живая деятельность широкого круга людей. И если открыть для него настоящее поле, если придать ему ценность, если указать на то, что это совершенно необходимая сторона нашей жизни, а не только инициатива нескольких окрылённых волонтеров, то станет понятно, что перевод просто часть этой необходимой работы. И тогда окажется, что он – не авангард, условно говоря, небольшая часть, которая оторвалась от всего войска и ушла далеко вперёд в своих переводческих стремлениях, но что это элемент, составляющий часть широкого живого предания, переживания, трансмиссии, миссии – я думаю, для этого ещё будут подбираться слова.

Конференция этого года, возможно, с большим радикализмом поставила именно этот вопрос, но она была подготовлена целым рядом предыдущих Успенских чтений. В частности, в сборнике «Пути просвещения и свидетели правды» (2004) напечатан мой доклад, который так и назывался: «Свидетели правды и проблема традиции»¹. И в последнем нашем сборнике «Свидетельство: традиции, форма, имена»², посвящённом свидетельству, очень глубоко проработана антропологическая, фундаментальная сторона предания в свидетельстве и роль, которую свидетельство выполняет в предании, и в переводе, и в культуре. Ведь свидетельство – это не то, что сделано когда-то и кем-то; и мы сами не можем не быть свидетелями, и попросту говоря, мы свидетельствуем либо в пользу добра, либо – зла. То есть мы неизбежно, просто своим образом жизни приносим это свидетельство. Оно может быть осмысленным или неосознанным; продуманным, согласованным с некоторыми ориентирами, с традицией, – либо полусознательным, слабо артикулируемым, банальным, в конце концов. Но оно есть. И если понять, что это – тот воздух, которым мы дышим, что мы в нём участвуем, то, мне кажется, тогда и взгляд на многие другие проблемы нашей жизни будет и более свежим, и более ответственным.

Особенно если при этом мы стоим как раз на Предании.

Совершенно верно! Ведь настоящую силу и полноту это понятие приобретает именно в Евангелии и во всём, что следовало из апостольских посланий, из апостольской традиции. Поэтому, мне кажется, если даже упомянуть снова простой факт, что облако свидетелей ближайших к нам десятилетий числом своим уже сегодня намного превосходит

число канонизированных святых вплоть до начала XX века, то это говорит о том, что мы – в самом начале освоения, именования, описания тех ран и страданий, но и даров нашего времени.

Удивляет, что о некоторых самых ярких свидетелях нашего времени до сих пор нет книг, нет ряда книг. Я не представляю, скажем, чтобы фигура такого масштаба, как святитель Лука (Войно-Ясенецкий), не было посвящено целого ряда ярких биографий, если бы он был гражданином Франции, или Англии, или Германии. Несомненно, не только появился бы уже целый ряд различных широко известных версий описания, истолкования и осмысления его жизни, но об этом бы шёл разговор. Можно взять и более близкое к нам время. Известно, какой широкий круг гуманитарной интеллигенции был в общине отца Александра Меня. О нём могли бы выйти новые книги и фильмы. И об отце Георгии Чистякове. Об Аверинцеве нет ни одной монографии, а в следующем году будет 10 лет его памяти. Вот совершенно конкретные примеры того, какое огромное поле работы перед нами, как мало делателей в этом поле. Поэтому очень важно поддерживать усилия людей, которые, допустим, честно признав, что не могут написать целостную биографию такого человека, собирают конференцию, посвящённую его творчеству, и стараются прикоснуться к многообразию его даров, его компетенции, может быть, даже необозримой для одного человека; важно, чтобы, действительно, не оставались в тени совершенно необходимые и неустраиваемые стороны его творчества. Слава Богу, лучше обстоит дело с наследием В.В. Бибихина, сейчас уже много выходит его книг, но, опять-таки, исследования о нём – только впереди, хотя у него было много учеников. Мы ждём эти тексты от них...

Я бы сказал, может быть, здесь ещё есть какая-то странная неразработанность самого жанра: есть философия, есть литература, но они существуют как-то отдельно. А ведь для хорошего литератора такая судьба, такое наследие, мне кажется, были бы просто сокровищем – только извлекать это золото. Каждый из нас может дополнить этот список, может быть, Вы назовёте свой ряд имён, но мне кажется, важно снова и снова привлекать к ним людей, которые делают их труды достоянием более широкого круга читателей.

Беседовал Кирилл Мозгов

¹ Пути просвещения и свидетели правды: Личность. Семья. Общество / Сост. К. Сигов. – К.: Дух і літера, 2004. – С. 72–82.

² Свидетельство: традиции, форма, имена / Сост. К.Б. Сигов – К.: Дух і літера, 2013. – 624 с.

Митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн: Нужно заниматься внутренней миссией

23 сентября председатель Синодального Миссионерского отдела митрополит Иоанн, находящийся с визитом в Екатеринбургской епархии, провёл встречу с благочинными Екатеринбургской и Каменской епархий.

В совещании, состоявшемся на базе миссионерского института при Александро-Невском Ново-Тихвинском монастыре, приняли участие руководители епархиальных профильных отделов, настоятели храмов Екатеринбургской епархии, помощники благочинных по миссионерской работе, преподаватели и студенты Екатеринбургской духовной семинарии.

Свой доклад владыка посвятил рассмотрению миссионерских задач, которые становятся первоочередной заботой миссионера.

XXI век, как отметил митрополит Иоанн, начался информационной революцией – революцией образов, когда информация перестала играть значимую роль, а на первый план вышел способ её подачи и те, кто её транслирует. Теряясь перед массой информации, человек начинает реагировать лишь на внешние образы и лишается способности мыслить самостоятельно.

Именно в такое время общество особенно нуждается в духовниках, которые могли бы повернуть человека к внутреннему деланию. Между тем, время возрождения Церкви в 1990-е годы неумолимо требовало строителей, тех, кто смог бы организовать восстановление порушенных святынь.

Но после свершившейся информационной революции с особой ясностью становится видно, насколько необходима Церкви внутренняя миссия. Именно она позволит надеяться не только на внешние достижения, которые в век информационных искажений легко забыть и оболгать. Внутренняя миссия позволяет приобретать твёрдую внутреннюю опору, не зависящую от внешних влияний и могущую успешно им противостоять.

Одним из важных инструментов внутренней миссии, как поделился своим архипастырским опытом владыка Иоанн, стало частое проведение

неформальных приходских собраний. Именно это позволяет приходу найти в новых условиях верное сочетание социальной, строительной работы и внутреннего делания. Именно эта необходимая мера позволит многим прихожанам, не входящим в социальные группы риска и поэтому на практике почти забытым, в полной мере принять участие в приходской жизни и укрепить её основу.

С особым чувством привёл на память собравшимся владыка митрополит слова преподобного Сергия Радонежского: «Любовью и единением спасемся!» Митрополит Иоанн отметил, насколько явно охлаждение любви в обществе, где грех и беззаконие становятся нормой, где само понятие нормы отвергается в угоду похотям. Именно защита человека, следующего путём традиционных ценностей, различающего добро и зло, является основной пастырской задачей Церкви.

В своём сообщении митрополит Иоанн проследил причинно-следственную связь между извращением самого понятия о человеке и преследованием Церкви в информационном пространстве.

Как отметил владыка Иоанн, назревает дискуссия о месте Церкви в обществе. И реальной возможностью достойного ответа на попытки обвинить Церковь в клерикализации, в сращении с государственной машиной или на желание представить Её нишей для малограмотных неполноценных людей не могут стать очередные дебаты. Настоящим ответом должно стать ответственное отношение людей Церкви к своей вере, к жизни прихода, истинной церковной жизни, что достигается внутренней миссией.

Завершив свой доклад, митрополит Иоанн ответил на вопросы собравшихся о степени и формах участия монастырей в миссионерском делании, о необходимости упреждающей информационной миссии, о практике проведения приходских собраний в Белгородской митрополии, об опыте выстраивания единства среди пастырей и в приходах.

Сайт Екатеринбургской епархии/Портал «Идите, научите все народы»

Миссия выполняма

8–10 сентября в Дурресе (Албания) состоялась V консультация Православной миссионерской сети (Orthodox Mission Network, OMN). Во встрече приняли участие более 20 человек из Албании, Германии, США, Великобритании, Белоруссии и России. Свято-Филаретовский институт и Преображенское братство представляли преподаватель СФИ Анна Алиева и выпускник СФИ Александр Архангельский.

В этом году главной темой обсуждения стали вопросы межкультурной миссии и создания самостоятельных христианских общин. Участники демонстрировали друг другу свои миссионерские и просветительские проекты, делились опытом, а также говорили о распространённых проблемах и ошибках в области миссии.

Важной частью консультации стал приём в резиденции предстоятеля Албанской православной церкви архиепископа Анастасия (Яннулатоса). Владыка отметил, что миссионер должен глубоко понимать богословские основания своего служения: «Миссия – это не когда раздают шоколадки и иконки, и человек становится православным». От миссионера требуется внимательное отношение к истории и культуре людей, к которым адресовано свидетельство, к тому, как Господь уже действовал в их жизни. Архиепископ Анастасий также подчеркнул, что в современном мире православные не могут разделяться в своих миссионерских усилиях. И хотя XX век показал, что единство – непростая задача, «непростые задачи – как правило, самые главные», сказал владыка.

О работе американского центра ОСМС (Orthodox Christian Mission Center) рассказал его исполнительный директор, опытный миссионер отец Мартин Ритци. С сообщением об опыте создания самостоятельных общин в Индии выступил Пол Такстер, директор CMS (Church Mission Society) – миссионерского общества, которому принадлежит инициатива

Миссия выполнима

создания Православной миссионерской сети. Делясь собственным опытом межкультурной миссии, участники много говорили об основных принципах свидетельства, в том числе о последовательности, о том, что миссионеру важнее научиться смотреть и слушать, чем говорить. Преподаватель Московской духовной семинарии дьякон Георгий Максимов отметил, что представители иной культуры не прощают миссионеру, если он говорит одно, а живёт по-другому.

Преподаватель Свято-Филаретовского института Анна Алиева отметила, что названные принципы универсальны. Если миссионер не живёт в соответствии с тем, о чём говорит, то его свидетельство оказывается ложным, а у тех, к кому оно обращено, складывается впечатление, что христианство – это вера, которая не предполагает воплощения в жизни. Сам миссионер должен быть готов разделить жизнь с теми, кто откликнулся на его свидетельство о Христе, помочь им не только обрести веру, но и научиться жить по ней.

Говоря о поднятой владыкой Анастасием проблеме единства, Анна Алиева отметила, что она существует не только на межюрисдикционном уровне. Большой ущерб православной миссии наносит клевета, которая часто сопровождает миссионеров и препятствует объединению усилий в свидетельстве о Христе.

Подобные встречи OMN проводит с 2010 года в разных странах Европы (в прошлом году консультация проходила в Румынии). В этом году выбор места проведения конференции, очевидно, тоже был не случайным. Албания имеет уникальный опыт возрождения полноценной церковной жизни в государстве, где до 1990 года действовал жесточайший антирелигиозный коммунистический режим, а священнослужители и верующие физически уничтожались. Для возрождения церкви архиепископ Анастасий стал уделять внимание открытию храмов и созиданию активной литургической жизни в них, катехизации, а также духовному образованию служителей церкви. В частности, в монастыре св. Власия, где проходила нынешняя консультация OMN, находится богословская академия, в которой получают духовное образование как мужчины, так и женщины. Предметом особой заботы архиепископа остаётся помощь албанскому обществу в реше-

Участники консультации у храма Воскресения Христова в столице Албании - Тиране

нии социальных и просветительских задач и благотворительная деятельность, адресованная отнюдь не только христианскому населению страны. Благодаря заботливому отношению к людям и способности внимательно реагировать на наиболее болезненные проблемы общества архиепископ Анастасий остаётся не только административным, но и духовным лидером церкви, члены которой по-прежнему составляют в стране религиозное меньшинство. «Для албанских христиан значимо всё, что относится к их вере, – поделилась впечатлениями от поездки Анна Алиева. – Очень показательно их отношение к крещению. То, как собираются люди, как украшен храм, говорит о том, что для общины происходит настоящее торжество».

Информационная служба СФИ/Портал
«Идите, научите все народы»

Впечатления участника

Наша поездка в Албанию на семинар по межкультурной миссии ещё раз показала, что

в России есть потребность в более частом общении между миссионерами. Половина участников семинара была из России. Там были люди очень разные, представители разных епархий, которые друг о друге слышали, заочно знают. На личном уровне я уже был знаком с Натальей Пономаревой, Артемом Шарафутдиновым, отцом Игорем Кропачевым, Ольгой Олейник. Завязались новые знакомства. Иногда непростое, но всегда интересное общение было с Сергеем Станиловским из фонда Даниила Сысоева

и некоторыми другими участниками семинара. Было и есть желание продолжить общение уже в России.

Интересно, насколько по-разному люди смотрят на внешнюю и внутреннюю миссию. На семинаре участники делились опытом – на что обращать внимание при миссионерском общении с представителями малых народов. При этом почему-то многим было не очевидно, что при внутренней миссии действуют те же закономерности. Например, было сказано, что прежде чем говорить с шорцем, следует расспросить его о его жизни, узнать, как живет он и его окружение (вплоть до его скота). Очевидно, что москвич или житель любого другого города России тоже требует к себе внимания. Миссионер всегда должен хорошо понимать, чем живет человек, в каком окружении он живет, какие заботы его одолевают. И основным содержанием нашего выступления было то, что москвичи ничуть не хуже африканцев или шорцев. Что если с шорцем прежде чем говорить о главном, надо поговорить о его родных, корове и юрте, то в Москве часто надо сначала поговорить с человеком о его любимой кошке, собаке и даче. Приходилось реагировать и на некоторые несуразности: например, один дьякон из России заявил, что русский человек, русский народ прощает раздвоенность миссионера – когда миссионер не живет так, как говорит! Но ведь всем очевидно, что это не так. Если россиянин видит, что миссионер сам не живет так, как учит, то он никогда не поверит этому горе-миссионеру.

Было видно, что некоторые миссионеры из России пытаются реализовать свой миссионерский потенциал не в России потому, что опасаются, что их труд в России будет под риском удара со стороны тех радикальных фундаменталистских сил, которые сейчас очень сильны в нашей стране и могут

легко разрушить, уничтожить любое доброе начинание. Таких примеров, к сожалению, очень много. И миссионеры едут куда-то в глухомань или за границу. И они об этом не любят и не хотят говорить, потому что не верят, что можно что-то изменить в современном положении нашей церкви.

На конференции показывали фильм про миссию в Африке. Две героини этого фильма были из известного племени, в котором женщины для красоты надевают железные кольца на шею, чтобы она стала длинной. На видео они с этими кольцами на шее с серьезным видом говорили о православии в их жизни, о том, как изменилась их жизнь. И я подумал: если бы они пришли с этими кольцами в какой-нибудь храм Москвы – как бы

их приняли наши бабушки? Наверняка встретили бы с хлебом-солью, а потом за чаем поделились бы, как свидетельствовать женщинам из соседнего племени (подъезда).

Мне очень понравились албанцы, с которыми мы встречались и общались – не только в Тиране, но и в Корче. Например, когда мы гуляли по Корче, я получал огромное удовольствие от того, как помощник митрополита, который нас сопровождал, общается и свидетельствует на улице. Как легко вступает в общение с людьми, начинает что-то спрашивать о вере – получается естественно, и видно, что после каждой такой встречи очень легко может последовать продолжение.

Была замечательная встреча с предстоятелем Албанской церкви

архиепископом Анастасием. Мудрый, опытный наставник и миссионер. Благодаря его труду в центре основных городов всегда можно увидеть красивый, открытый каждому человеку храм, в котором всегда можно найти поддержку и духовный совет. На встрече он рассказывал о возрождении христианства в Албании, делился своим опытом.

Хочется надеяться, что наше общение и сотрудничество с Албанской церковью и миссионерами из России и других стран продолжится и в будущем.

Впечатлениями делился
Александр Архангельский

О старом и новом в Таинстве Крещения

Рассказывает иерей Григорий Фай (Яранская епархия)

Святейший патриарх Кирилл неоднократно обращал внимание на недопустимость совершения Таинства Крещения над людьми, к нему не подготовленными. Давно ли стоит эта проблема в России?

«Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа...» – сказал Спаситель мира. Таким образом, научение вере и Таинство Крещения – это одно целое, и потому вере учили всегда.

Можно сказать, что оглашать перестали в XX веке в связи с духовной катастрофой, которая разразилась в это время. В советское время и крестить перестали, потому что крестить было некому. Раньше, особенно в древности, людей оглашали до нескольких лет, долго готовили к Таинству Крещения. Сейчас вышел указ Патриарха о том, что необходимо вводить две обязательные огласительные беседы. С конца 2011 года эта практика введена в России, а с 1 апреля 2013 года в Яранской епархии.

Почему до нас так долго доходили «нововведения»?

В государстве часто бывает так, что от принятия закона до его реализации проходит определённое время. Нечто подобное характерно и для Церкви. Если в больших городах указ Патриарха уже исполняется, то в некоторых населённых пунктах до сих пор огласительные беседы не проводятся.

Каков эффект от этих бесед?

Неоднозначный. Некоторые люди действительно приходят для себя что-то новое, чего они раньше не знали о церкви и вере. Некоторые не понимают, зачем их чему-то учат, ведь они всё знают, выражают своё недовольство. Есть и такой разряд людей, которые прошли огласительные беседы, крестили своего ребёнка, но это ничего не изменило в их жизни. Они не обрели ещё веру в Бога, ищут недостатки в Церкви, ругают верующих. Христос говорит в Своей притче, что некоторое семя падает на плодородную почву, иное в тернии, а иное может попасть и на почву каменистую. Хочется верить, что огласительные беседы не проходят даром.

Расскажите подробнее о самих беседах. Кто их проводит?

Я провожу беседы дважды: первую – по средам в 18.00, вторую – по субботам в 14.00 в здании Епархиального управления.

Нужно, чтобы между беседами проходило определённое время?

Конечно, какое-то время должно проходить, чтобы человек мог осмыслить услышанное, осознать всю серьёзность и ответственность. Обычно это несколько дней или неделя.

Многие ли сейчас проходят Таинство Крещения?

До введения огласительных бесед крещаемых, конечно же, было больше. Приезжали и из г. Йошкар-Ола, и из Нижегородской области, и из районов. После введения бесед количество желающих покреститься упало. Этого, наверно, и стоило ожидать. Зато теперь образовался некий фильтр, который позволяет отсеивать неверующих. Кто-то, конечно, ищет церкви, где ещё не ввели огласительных бесед, но таких храмов осталось совсем немного, а в скором времени и совсем не останется. Это и правильно. Люди находятся в весьма расслабленном состоянии, им очень сложно немного себя преодолеть и выслушать речь священника. А если крестные и родители не могут себя заставить сделать даже такой шаг, чему же они смогут научить детей?

Зачем вы хотите креститься? – вот главный вопрос, который, по моему мнению, должен задавать себе каждый. Стоит ли принимать крещение, отдавая дань моде или по просьбе родных, потому что все так делают? И при этом оставаться чуждым самой веры?

Кто-то скажет, и часто это слышно: докажите мне, что «ваш» Бог есть, что «ваша» вера правильная. Но разве вера – это задача, требующая решения, или, может быть, гипотеза, требующая доказательств? Вера помимо рациональной своей стороны имеет и опытную сторону – это чувства, это жизнь, которой живёт душа. Если человек способен на веру, значит, его душа ещё жива. Вероисповеданий много, истинно только одно. Какую веру принять – это уже выбор каждого. Но принимать её нужно с открытым сердцем, с полным осознанием того, что делаешь, с полным пониманием своей ответственности перед Богом.

Полностью материал опубликован: Сайт Яранской епархии/Портал «Идите, научите все народы»

«Погружение в Православие» – программа подготовки к принятию Крещения

В период, предшествующий значимым церковным праздникам, священнослужители Красноярска проводят подготовительные (огласительные) беседы, способствующие осознанному и осмысленному принятию Крещения. Цель таких бесед – в предоставлении возможности знакомства с православной верой всем тем, кто всерьёз воспринимает предстоящее духовное рождение и религиозное становление. Огласительные беседы призваны помочь человеку, ощутившему в себе открытость к религиозной жизни, не только получить знания о христианстве, но и перенять опыт церковной веры и мысли, а также адресовать имеющиеся вопросы священнослужителю. Беседы предполагают диалогичный формат и непосредственное живое общение.

Содержательно подготовительные беседы строятся вокруг осмысления совершённого Иисусом Христом спасения людей. В связи с этим тематически беседы разделены на два цикла – «Вера Бога в человека» и «Вера человека в Бога». В первой части бесед раскрывается христианское понимание Бога в контексте Его промысла о человеке и принесённого Иисусом Христом спасения. Вторая часть бесед посвящена тому, как человек воспринимает обращённые к нему действия Бога, каким образом он усваивает дары спасения и открывает себя для богообщения. Особое место занимает беседа о Таинстве Крещения, в ходе которой оглашаемые узнают, что сама Церковь вкладывает в понятие Крещения, каковы действительные условия его принятия и мера ответственности, возлагаемая на крещаемого.

За весь подготовительный период в храме за богослужением читаются особые молитвы и прошения с поименным перечислением всех проходящих оглашение. В молитвах испрашивается полнота предстоящего духовного рождения и благодатного обновления.

Обязательным этапом подготовки является предкрещальная исповедь. Человек, получающий в Таинстве Крещения прощение и оставление грехов, должен осознать, от чего именно он избавляется Богом и омывается крещальной водой. Исповедь является свидетельством проделанной над собой духовной работы, открывающей возможность Крещения.

Само Таинство Крещения совершается полным погружением.

Информационный блог Красноярской епархии/Портал «Идите, научите все народы»

О «непреодолимой благодати»

6 октября, в день прославления свт. Иннокентия Московского, после литургии состоялась агапическая трапеза, на которую собрались члены Иннокентиевского общества – катехизаторы и те, кто готовится сдавать специальный экзамен – «катехизаторский минимум». Молитвенно вспоминали святителя Иннокентия, чье имя общество носит с момента основания.

На встрече прозвучал рассказ о жизни святителя: Андрей Еремеев художественно описал довольно длинный период его жизни – юность, призвание на служение, то, как он стал священником, потом миссионером, епископом. Показывал на карте его путешествия. Это было очень интересно. В молитве святителя, произнесенной им, когда он решился стать монахом, говорится о «непреодолимой благодати», которая вела его по жизни. По этой «непреодолимой благодати» он почувствовал желание поехать на Аляску. Его все отговаривали, а он просто не мог не поехать. И поехал на лодках, на лошадях с женой, детьми, матерью и еще другими родственниками... Сегодня мы публикуем некоторые из прозвучавших на встрече фрагментов из произведений свт. Иннокентия.

«В 1829 году случилось мне первому быть в Нушегаке (Колмаковском заселении), для посещения живущих там христиан; и в то время я там нашел четырнадцать человек дикарей, приехавших из различных селений с своими товарами. Потому, не надеясь видеть более дикарей, решился предложить мое слово тем, кому случилось быть тогда в Нушегаке, показав им наше служение; и Господу угодно было моему, по истине, скудному проповедию обратиться к нему тринадцать человек, которых я, по приличному испытании и увещании, и окрестил, – и река Нушегака была тогда для них Иорданом. По крещении их, вместо рубашек или белой одежды, надел я на них те же самые одежды, в которых они явились ко мне, и сверху их обыкновенные, небольшие, медные крестики. Это я сделал с тем намерением, чтобы рубашки, которые хотели им дать восприемники, не были для прочих диких приманкою к принятию крещения, и может быть, такому же ухищрению, какое делали некогда Чукчи, которым обыкновенно по крещении давалось несколько подарков, для них очень ценных, и они, окрестившись и получив положенные им подарки от одного священника, на будущий год приходили к другому, или, спустя несколько времени, опять приходили к тому же. Рубашки же для здешних дикарей есть вещь весьма ценная и важная. Отправляясь из Нушегака, я дал позволение управляющему редуту Колмакову крестить тех из дикарей, которые сами будут просить о том, но также отнюдь без всяких подарков».

«Никакая трудность, никакая опасность в пути, даже видимая, не остановит меня посещать здешних жителей, добрых и скажу откровенно, примерных и редких в нынешнее время овец стада Христова по их усердию; ибо их ревностное и постоянное слушание моих поучений и простое, усердное

благодарение за оные суть для меня величайшее удовольствие и одна из величайших земных наград».

«Имея такое усердие к слышанию Слова Божия, они также усердны и к проповедникам Оного (но усердие их не обнаруживается вещественными даяниями, потому что они никому не могут передавать пушных товаров, кроме Компании, которая им платит известную цену). По крайней мере я это могу сказать по себе. Посещение мое и приезд мой в селение бывал истинным праздником для Алеутов, Пасхою, потому что только в это время они могли слушать Слова и приобщиться Святых Таин; куда бы я ни приехал и какое время дня или ночи, но лишь только разносилась весть, что приехал отец (Адак), тотчас все и каждый, кто только может ходить, выходили ко мне навстречу к самой пристани (т. е. на берег моря, где обыкновенно пристают байдарки). Все и каждый приветствовали меня с истинным радушием и видимым удовольствием, написанным на лицах их; даже нередко больных приносили ко мне для того, чтобы увидеться со мною и принять благословение».

«Мне случалось видеть, как кто-нибудь из Алеутов совершенно не зная по-русски ни слова, почти целый день сидит и читает Псалтырь... А когда они увидели книжки на своем языке, т. е. Катехизис, переведенный мною и напечатанный первым изданием, то даже начали учиться грамоте для того, чтобы читать по-своему».

«Мы, как пастыри, учителя, наследники Апостолов должны быть верны своему призванию, а значит – учить. Иначе мы будем словно языческие жрецы – просто совершители таинств и обрядов».

Редакция благодарит А. Еремеева за подбор цитат